

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Гой ты, Русь моя родная

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

Сергей Александрович Есенин

Гой ты, Русь моя родная (сборник)

(Библиотека лучшей поэзии)

Сергей Есенин (1895–1925) – русский поэт, чей потрясающий и многогранный талант подарил миру удивительную лирику, залихватские строки кабацких стихов, вдумчивые рассуждения о Родине. Воспевая родную природу, Русь-Россию, любовь к жизни и миру, Сергей Есенин словно облакает в слова наши собственные чувства и эмоции, чутко передает настроение и проникает в глубины души.

За свою короткую жизнь поэт выпустил около 30 поэтических сборников, отражающих изменение мировоззрения и интересов автора. Вышедшая в 1916 году «Радуница» положила начало признанию Сергея Есенина как певца Руси, в чьих искренних и откровенных стихах мы по-прежнему ощущаем биение беспокойного нежного сердца.

Содержание

#1	0008
Радуница (1916)	0009
Русь	0009
Маковые побаски	0024
Голубень (1918)	0039
Голубень	0039
Под отчим кровом	0050
Златой посев	0061
Преображение (1918)	0078
Преображение	0078
Пришествие	0085
Инония	0094
Трерядница (1920)	0107
«Я последний поэт деревни...»	0107
Пантократор	0108
«Душа грустит о небесах...»	0111
«Устал я жить в родном краю...»	0112
«О Боже, Боже, эта глубь...»	0113
«Я покинул родимый дом...»	0114
«Хорошо под осеннюю свежесть...»	0115
Песнь о собаке	0116
«Закружилась листва золотая...»	0117
«Теперь любовь моя не та...»	0118
«По-осеннему кычет сова...»	0119
Кобыльки корабли	0120

Москва кабацкая (1924)	0124
Стихи как вступление к Москве кабацкой	0124
Москва кабацкая	0129
Любовь хулигана	0135
Страна советская (1925)	0145
Возвращение на родину	0145
Русь советская	0150
Русь неприютная	0155
Русь уходящая	0159
На Кавказе	0163
Поэтам Грузии	0165
Баллада о двадцати шести	0168
Письмо к женщине	0175
Страна негодяев Отрывки из драматической поэмы	0179
Письмо от матери	0185
Ответ	0188
Стансы	0192
Письмо деду	0196
Ленин (отрывок из поэмы «Гуляй-поле») .	0200
Метель	0205
Персидские мотивы (1925)	0209
Персидские мотивы	0209
Мой путь	0225
Рябиновый костер «Отговорила роща золотая...»	0232
Стихотворения разных лет	0238
Береза	0238

«Поет зима, аукает...»	0239
«Сыпь, гармоника! Скука... скука...»	0241
«Грубым дается радость...»	0243
«Издатель славный! В этой книге...»	0244
«Годы молодые с забубенной славой...»	0245
«Я усталым таким еще не был...»	0249
«Мне осталась одна забава...»	0251
«Мы теперь уходим понемногу...»	0252
«Синий май. Заревая теплынь...»	0254
«Несказанное, синее, нежное...»	0257
«Заря окликает другую...»	0260
«Ну, целуй меня, целуй...»	0261
«Неуютная жидкая лунность...»	0263
«Каждый труд благослови, удача!..»	0264
«Спит ковыль. Равнина дорогая...»	0265
«Я помню, любимая, помню...»	0267
«Не вернусь я в отчий дом...»	0268
«Над окошком месяц. Под окошком ветер...»	0269
«Видно, так заведено навеки...»	0270
«Гори, звезда моя, не падай...»	0271
«Жизнь – обман с чарующей тоскою...»	0273
«Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!..»	0274
«Я красивых таких не видел...»	0275
«Ты запой мне ту песню, что прежде...»	0277
«В этом мире я только прохожий...»	0278
«Эх вы, сани! А кони, кони!..»	0279

«Слышишь – мчатся сани, слышишь – сани мчатся...»	0280
«Голубая кофта. Синие глаза...»	0281
«Снежная замять крутит бойко...»	0282
«Вечером синим, вечером лунным...»	0282
«Плачет метель, как цыганская скрипка...»	0283
«Ах, метель такая, просто черт возьми...»	0284
«Снежная равнина, белая луна...»	0284
«Свищет ветер, серебряный ветер...»	0285
«Мелколесье. Степь и дали...»	0286
«Цветы мне говорят – прощай...»	0287
«Клен ты мой опавший, клен заледенелый...»	0288
«Какая ночь! Я не могу...»	0289
«Не гляди на меня с упреком...»	0291
«Ты меня не любишь, не жалеешь...»	0292
«Может, поздно, может, слишком рано...»	0294
«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...»	0296
«До свиданья, друг мой, до свиданья...»	0297
Поэмы	0298
Анна Снегина	0298
Черный человек	0327

**Сергей Александрович
Есенин
Гой ты, Русь моя родная
(сборник)**

© Есенин, С.
© ООО «Издательство АСТ»
***

Радуница (1916)

Русь

Микола

*В шапке облачного скола,
В лапоточках, словно тень,
Ходит милостник Микола
Мимо сел и деревень.
На плечах его котомка,
Стягловица в две тесьмы,
Он идет, поет негромко
Иорданские псалмы.
Злые скорби, злое горе
Даль холодная впила;
Загораются, как зори,
В синем небе купола.
Наклонивши лик свой кроткий,
Дремлет ряд плакучих ив,
И, как шелковые четки,
Веток бисерный извив.
Ходит ласковый угодник,
Пот елейный льет с лица:
«Ой ты, лес мой, хороводник,
Прибаюкай пришлеца».*

Заневестилася кругом

Роща елей и берез.
По кустам зеленым лугом
Льнут охлопья синих рос.
Тучка тенью расколола
Зеленистый косогор...
Умывается Микола
Белой пеной из озер.
Под березкою-невестой,
За сухим посошником,
Утирается берестой,
Словно мягким рушником.
И идет стопой неспешной
По селеньям, пустырям:
«Я, жилец страны нездешней,
Прохожу к монастырям».
Высоко стоит злотравье,
Спорынья кадит туман:
«Помолюсь схожу за здравье
Православных христиан».

Ходит странник по дорогам,
Где зовут его в беде,
И с земли гуторит с Богом
В белой туче-бороде.
Говорит Господь с престола,
Приоткрыв окно за рай:
«О мой верный раб, Микола,
Обойди ты русский край.

Защити там в черных бедах
Скорбью вытерзанный люд.
Помолись с ним о победах
И за нищий их уют».

Ходит странник по трактирам,
Говорит, завидя сход:
«Я пришел к вам, братья, с ми-
ром –
Исцелить печаль забот.
Ваши души к подорожью
Тянет с посохом сума.
Собирайте милость Божью
Спелой рожью в закрома».

Горек запах черной гари,
Осень рощи подожгла.
Собирает странник тварей,
Кормит просом с подола.
«Ой, прощайте, белы птахи,
Прячьтесь, звери, в терему.
Темный бор, – щекочут свахи, –
Сватай девицу-зиму».

«Всем есть место, всем есть ло-
гов,
Открывай, земля, им грудь!
Я – слуга давнишний Богов, –
В Божий терем правлю путь».

Звонкий мрамор белых лестниц

Протянулся в райский сад;
Словно космища кудесниц,
Звезды в яблонях висят.
На престоле светит зорче
В алых ризах кроткий Спас;
«Миколае-чудотворче,
Помолись ему за нас».

5

Кроют зори райский терем,
У окошка Божья Мать
Голубей сзывает к дверям
Рожь зернистую клевать;
«Клюйте, ангельские птицы:
Колос – жизненный полет».
Ароматней медуницы
Пахнет жней веселых пот.
Кружевами лес украшен,
Ели словно купина.
По лощинам черных пашен –
Пряжа выснежного льна.
Засучивши с рожью полы,
Пахаря трясут лузгу,
В честь угодника Миколы
Сеют рожью на снегу.
И, как по траве окосья
В вечереющий покос,
На снегу звенят колосья
Под косницами берез.

1915

«Пойду в скуфье смиренным иноком...»

*Пойду в скуфье смиренным иноком
Иль белобрысым босяком –
Туда, где льется по равнинам
Березовое молоко.
Хочу концы земли измерить,
Доверясь призрачной звезде,
И в счастье ближнего поверить
В звенящей рожью борозде.
Рассвет рукой прохлады росной
Сшибает яблоки зари.
Сгребая сено на покосах,
Поют мне песни косари.
Глядя за кольца лычных прясел,
Я говорю с самим собой:
Счастлив, кто жизнь свою украсил
Бродяжной палкой и сумой.
Счастлив, кто в радости убогой,
Живя без друга и врага,
Пройдет проселочной дорогой,
Молясь на копны и стога.*

1914–1922

Калики

Проходили калики деревнями,
Выпивали под окнами квасу;
У церквей пред затворами древни-
ми
Поклонялись Пречистому Спасу.
Пробирались странники по полю,
Пели стих о сладчайшем Иусе.
Мимо клячи с поклажею топали,
Подпевали горластые гуси.
Ковыляли убогие по стаду,
Говорили страдальные речи:
«Все единому служим мы Господу,
Возлагая вериги на плечи».
Вынимали калики поспешливо
Для коров сбереженные крохи.
И кричали пастушки насмешли-
во:
«Девки, в пляску! Идут скоморо-
хи!»

«Не ветры осыпают пущи...»

Не ветры осыпают пущи,
Не листопад златит холмы,
С голубизны незримой кущи
Струятся звездные псалмы.
Я вижу – в просиничном платке,
На легкокрылых облаках,
Идет возлюбленная Мати

*С Пречистым Сыном на руках.
Она несет для мира снова
Распятъ воскресшего Христа:
«Ходи, мой сын, живи без крова,
Зорюй и полднью у куста».
И в каждом страннике убогом
Я визнавать пойду с тоской,
Не Помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.
И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях – крылья херувима,
А под пеньком – голодный Спас.*

«Задымился вечер, дремлет кот на бруссе...»

*Задымился вечер, дремлет кот
на бруссе.
Кто-то помолился: «Господи Иису-
се».
Полыхают зори, курятся туман-
ны,
Над резным окошком занавес баг-
ряный.
Вьются паутины с золотой пове-
ти.
Где-то мышшь скребется в затво-
ренной клетки...*

У лесной поляны – в свяслах копны
хлеба,
Ели, словно копья, уперлися в небо.
Закадили дымом под росую ро-
щи...
В сердце почивают тишина и мо-
щи.

«Гой ты, Русь, моя родная...»

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края –
Только синь сосет глаза.
Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.
Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.
Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.
Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,

Дайте родину мою».

«По дороге идут богомолки...»

*По дороге идут богомолки,
Под ногами полынь да комли.
Раздвигая щипульные колки,
На канавах звенят костыли.
Топчут лапти по полю кукольной,
Где-то ржанье и храп табуна,
И зовет их с большой колокольни
Гулкий звон, словно зык чугуна.
Отряхают старухи дулейки,
Вяжут девки косницы до пят.
Из подворья с высокой келейки
На платки их монахи глядят.
На вратах монастырские знаки;
«Упокою грядущих ко мне»,
А в саду разбрехались собаки,
Словно чуя воров на гумне.
Лижут сумерки золото солнца,
В дальних рощах аукает звон...
По тени от ветлы-веретенца
Богомолки идут на канон.*

Поминки

*Заслонили ветлы сиротливо
Косниками мертвые жилища.
Словно снег, белеется коливо –*

На помин небесным птахам пи-
ща.
Тащат галки рис с могилок пост-
ный,
Вяжут нищие над сумками бечев-
ки.
Причитают матери и крестны,
Голосят невесты и золовки.
По камням, над толстым слоем
пыли,
Вьется хмель, запутанный и
клейкий,
Длинный поп в худой епитрахили
Подбирает черные копейки.
Под черед за скромным подая-
ньем
Ищут странницы отпетую моги-
лу.
И поет дьячок за поминаньем:
«Раб усопших, Господи, помилуй».

**«Шел Господь пытатъ людей в
любви...»**

Шел Господь пытатъ людей в лю-
бови,
Выходил он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом, в дубро-
ве,

Жамкал деснами зачерствелую
пышку.
Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке, с клюшкою желез-
ной,
И подумал: «Вишь, какой убогой, –
Знать, от голода качается, бо-
лезный».
Подошел Господь, скрывая скорбь
и муку:
Видно, мол, сердца их не разбу-
дишь...
И сказал старик, протягивая ру-
ку:
«На, пожуй... маленько крепче бу-
дешь».

«Край любимый! Сердцу снятся...»

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.
По меже, на переметке,
Резеда и риза кашки
И вызванивают в четки
Ивы – кроткие монашки.
Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.

*С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.
Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.*

«Я странник убогий...»

*Я странник убогий.
С вечерней звездой
Пою я о Боге
Касаткой степной.
На шелковом блюде
Опада осин,
Послушайте, люди,
Ухлюпы трясин.
Ширком в луговины,
Целуя сосну,
Поют быстровины
Про рай и весну.
Я странник убогий,
Молюсь в синеву.
На палой дороге
Ложуся в траву.
Покоюся сладко
Меж росновых бус.
На сердце лампадка,
А в сердце Иус.*

В хате

Пахнет рыхлыми драченами;
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.
Вьется сажка над заслонкою,
В печке нитки попелищ,
А на лавке за солонкою –
Шелуха сырых яиц,
Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.
Квохчут куры беспокойные
Над оглоблями сохи,
На дворе обедню стройную
Запевают петухи.
А в окне на сени скатые,
От пугливой шумоты,
Из углов щенки кудлатые
Заползают в хомуты.

«Черная, потом пропахшая выть...»

Черная, потом пропахшая выть,
Как мне тебя не ласкать, не лю-
бить?

Выйду на озеро в синюю гать,
К сердцу вечерняя льнет благо-
дать.

Серым веретьем стоят шалаши,
Глухо баюкают хлюпъ камыши.
Красный костер окровил таганы,
В хворосте белые веки луны.
Тихо, на корточках, в пятнах зари
Слушают сказ старика косари.
Где-то вдали, на кукане реки,
Дремную песню поют рыбаки.
Оловом светится лужная голь...
Грустная песня, ты – русская
боль.

Дед

Сухлым войлоком по стежкам
Разрыхлел в траве помет.
У гумен к репейным брошкам
Липнет муший хоровод.
Старый дед, согнувши спину,
Чистит вытоптаный ток
И подонную мякину
Загребает в уголок.
Щурясь к облачному глазу,
Подсекает он лопух,
Роет скрябкою по пазу
От дождей обходный круг.

Черепки в огне червонца.
Дед – как в жамковой слюде,
И играет зайчик солнца
В рыжеватой бороде.

«Топи да болота...»

Топи да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.
Тенькает синица
Меж лесных кудрей,
Темным елям снится
Гомон косарей.
По лугу со скрипом
Тянется обоз –
Суховатой липой
Пахнет от колес.
Слушают ракиты
Посвист ветряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной!..

Маковые побаски

«Белая свитка и алый кушак...»

*Белая свитка и алый кушак,
Рву я по грядкам зардевшийся
мак.*

*Громко звенит за селом хоровод,
Там она, там она песни поет.
Помню, как крикнула, шитая в
сруб:*

*«Что же, красив ты, да сердцу не
люб.*

*Кольца кудрей твоих ветрами
жжет,
Гребень мой вострый другой бере-
жет».*

*Знаю, чем чужд ей и чем я не мил:
Меньше плясал я и меньше всех
пил.*

*Кротко я с грустью стоял у сте-
ны,*

Все они пели и были пьяны.

*Счастье его, что в нем меньше
стыда,*

В шею ей лезла его борода.

*Свившись с ним в жгучее пляски
кольцо,*

*Брызнула смехом она мне в лицо.
Белая свитка и алый кушак,
Рву я по грядкам зардевшийся
мак.*

*Маком влюбленное сердце цве-
тет,
Только не мне она песни поет.*

«Матушка в Купальницу по лесу ходила...»

*Матушка в Купальницу по лесу хо-
дила,
Босая, с подтыками, по росе бро-
дила.*

*Травы ворожбиные ноги ей коло-
ли,*

*Плакала родимая в купырях от
боли.*

*Не дознамо печени судорга схва-
тила,*

Охнула кормилица, тут и породила.

*Родился я с песнями в травном
одеяле.*

*Зори меня вешние в радугу свива-
ли.*

*Вырос я до зрелости, внук купаль-
ской ночи,*

Сутемень колдовная счастье мне
пророчит.
Только не по совести счастье на-
готове,
Выбираю удалью и глаза и брови.
Как снежинка белая, в просини я
таю
Да к судьбе-разлучнице след свой
заметаю.

«Зашумели над затоном тростники...»

Зашумели над затоном тростни-
ки.
Плачет девушка-царевна у реки.
Погадала красна девица в семик.
Расплела волна венок из повилик.
Ах, не выйти в жены девушке вес-
ной,
Запугал ее приметами лесной:
На березке пообъедена кора, –
Выживают мыши девушку с дво-
ра.
Бьются кони, грозно машут голо-
вой, –
Ой, не любит черны косы домо-
вой.
Запах ладана от рощи ели льют,
Звонки ветры панихидную поют.

*Ходит девушка по бережку груст-
на,
Ткет ей саван нежнопенная вол-
на.*

«Троицыно утро, утренний канон...»

*Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый пере-
звон.
Тянется деревня с праздничного
сна,
В благовесте ветра хмельная вес-
на.
На резных окошках ленты и ку-
сты.
Я пойду к обедне плакать на цве-
ты.
Пойте в чаще, птахи, я вам под-
пою.
Похороним вместе молодость
мою.
Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый пере-
звон.*

**«Заиграй, сыграй, тальяночка,
малиновы меха...»**

Заиграй, сыграй, тальяночка, ма-

линовы меха.

Выходи встречать к околице, красотка, жениха.

Васильками сердце светится, горит в нем бирюза.

Я играю на тальяночке про синие глаза.

То не зори в струях озера свой выткали узор,

Твой платок, шитьем украшенный, мелькнул за косогор.

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.

Пусть послушает красавица прибаски жениха.

1912

Подражанье песне

Ты пошла коня из горстей в поводу,

Отражаясь, березы ломались в пруду.

Я смотрел из окошка на синий платок,

Кудри черные змейно трепал ветерок.

Мне хотелось в мерцании пени-

стых струй
С алых губ твоих с болью сорвать
поцелуй.
Но с лукавой улыбкой, брызнув на
меня,
Унеслася ты вскачь, удилами зве-
ня.
В пряже солнечных дней время
выткало нить...
Мимо окон тебя понесли хоро-
нить.
И под плач панихид, под кадиль-
ный канон,
Все мне чудился тихий раскован-
ный звон.

«Выткался на озере алый свет зари...»

Выткался на озере алый свет за-
ри.
На бору со звонами плачут глуха-
ри.
Плачет где-то иволга, схоронясь в
дупло.
Только мне не плачется – на душе
светло.
Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо
дорог,
Сядем в копны свежие под сосед-

ний стог.

Зацелую допьяна, изомну, как
цвет,
Хмельному от радости пересуду
нет.

Ты сама под ласками сбросишь
шелк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.
И пускай со звонами плачут глу-
хари,
Есть тоска веселая в алостях за-
ри.

«Туча кружево в роще связала...»

Туча кружево в роще связала,
Закурился пахучий туман.
Еду грязной дорогой с вокзала
Вдалеке от родимых полян.
Лес застыл без печали и шума,
Виснет темь, как платок, за сос-
ной.
Сердце гложет плакучая дума...
Ой, не весел ты, край мой родной.
Пригорюнились девушки-ели;
И поет мой ямщик на-умяк:
«Я умру на тюремной постели,
Похоронят меня кое-как».

«ДЫМОМ ПОЛОВОДЬЕ...»

Дымом половодье
Зализало ил.
Желтые поводья
Месяц уронил.
Еду на баркасе,
Тычусь в берега.
Церквами у прясел
Рыжие стога.
Заунывным карком
В тишину болот
Черная глухарка
К всенощной зовет.
Роща синим мраком
Кроет голытьбу...
Помолюсь украдкой
За твою судьбу.

Девичник

Я надену красное монисто,
Сарафан запетлю синей рюшкой.
Позовите, девки, гармониста,
Попрощайтесь с ласковой по-
дружкой.
Мой жених, угрюмый и ревнивый,
Не велит заглядывать на парней.
Буду петь я птахой сиротливой,
Вы ж пляшите дробней и угарней.
Как печальны девичьи потери,

Грустно жить оплаканной невесте.

*Уведет жених меня за двери,
Будет спрашивать о девической
чести.*

*Ах, подружки, стыдно и неловко:
Сердце робкое охватывает стужа.*

*Тяжело беседовать с золовкой,
Лучше жить несчастной, да без
мужа.*

«Сыплет черемуха снегом...»

*Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе,
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.*

*Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.*

*Ой вы, луга и дубравы, –
Я одурманен весной.*

*Радугой тайные вести
Светятся в душу мою.*

*Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.*

*Сыпь ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птахи, в лесу.*

По полю зыбистым бегом

Пеной я цвет разнесу.

«По селу тропинкой кривенькой...»

По селу тропинкой кривенькой
В летний вечер голубой
Рекрута ходили с ливенкой
Разухабистой гурьбой.
Распевали про любимые
Да последние деньки:
«Ты прощай, село родимое,
Темна роща и пеньки».
Зори пенились и таяли.
Все кричали, пяча грудь:
«До рекрутства горе маяли,
А теперь пора гульнуть».
Размахнув кудрями русыми,
В пляс пускались весело.
Девки брякали им бусами,
Зазывали за село.
Выходили парни brave
За гуменные плетни,
А девчоночки лукавые
Убегали, – догони!
Над зелеными пригорками
Развевались платки.
По полям, бредя с кошелками,
Улыбались старики.
По кустам, в траве над лыками,

Под пугливый возглас сов,
Им смеялась роща зыками
С переливом голосов.
По селу тропинкой кривенькой,
Ободравшись о пеньки,
Рекрута играли в ливенку
Про остальние деньки.

«Край ты мой заброшенный...»

Край ты мой заброшенный,
Край ты мой, пустырь.
Сенокос некошенный,
Лес да монастырь.
Избы забоченились,
А и всех-то пять.
Крыши их запенились
В заревую гать.
Под соломой-ризою
Выструги стропил,
Ветер плесень сизую
Солнцем окропил.
В окна бьют без промаха
Вороны крылом,
Как метель, черемуха
Машет рукавом.
Уж не сказ ли в прутнике
Жисть твоя и былъ,
Что под вечер путнику

Нашептал ковыль?

«Я – пастух; мои палаты...»

*Я – пастух; мои палаты –
Межи зыбистых полей,
По горам зеленым – скаты
С гарком гулких дупелей.
Вяжут кружево над лесом
В желтой пене облака.
В тихой дреме под навесом
Слышу шепот сосняка.
Святят зелено в сутёмы
Под росую тополя.
Я – пастух; мои хоромы –
В мягкой зелени поля.
Говорят со мной коровы
На кивливом языке,
Духовитые дубровы
Кличут ветками к реке.
Позабыв людское горе,
Сплю на вырублях сучья.
Я молюсь на алы зори,
Причащаюсь у ручья.*

«На плетнях висят баранки...»

*На плетнях висят баранки,
Хлебной брагой льет теплынь.
Солнца струганные дранки*

Загораживают синь.
Балаганы, пни и колья,
Карусельный пересвист.
От вихлистого приволья
Гнутся травы, мнется лист,
Дробь копыт и хрип торговок,
Пьяный пах медовых сот.
Берегись, коли не ловок:
Вихорь пылью разметет.
За лещужною сурьюмою –
Бабий крик, как поутру.
Не твоя ли шаль с каймою
Зеленеет на ветру?
Ой, удал и многосказен
Лад веселый на пыжну.
Запевай, как Стенька Разин
Утопил свою княжню.
Ты ли, Русь, тропой-дорогой
Разметала ал наряд?
Не суди молитвой строгой
Напоенный сердцем взгляд.

«Сторона ль моя, сторонка...»

Сторона ль моя, сторонка,
Горевая полоса.
Только лес, да посолонка,
Да заречная коса...
Чахнет старая церквушка,

*В облака закинув крест.
И забольная кукушка
Не летит с печальных мест.
По тебе ль, моей сторонке,
В половодье каждый год
С подожочка и котомки
Богомольный льется пот.
Лица пыльны, загорелы,
Веки выглодала даль,
И впилась в худое тело
Спаса кроткого печаль.*

1914

«На лазоревые ткани...»

*На лазоревые ткани
Пролил пальцы багрянец.
В темной роще, по поляне,
Плачет смехом бубенец.
Затуманились лощины,
Серебром покрылся мох.
Через прясла и овины
Кажет месяц белый рог.
По дороге лихо, бойко,
Развевая пенный пот,
Скачет бешеная тройка
На поселок в хоровод.
Смотрят девушки лукаво
На красавца сквозь плетень.*

Парень бравый, кучерявый
Ломит шапку набекрень.
Ярче розовой рубахи
Зори вешние горят.
Позолоченные бляхи
С бубенцами говорят.

«Чую радуницу Божью...»

Чую радуницу Божью –
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.
Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Исус.
Он зовет меня в дубровы,
Как во царствие небес,
И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес.
Голубиный дух от Бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик.
Льется пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов,
Я поверил от рожденья
В Богородицын покров.

Голубень (1918)

Голубень

Октоих

*Гласом моим
Пожру Тя, Господи.
Ц. О.*

*О родина, счастливый
И неисходный час!
Нет лучше, нет красивей
Твоих коровьих глаз.
Тебе, твоим туманам
И овцам на полях,
Несу, как сноп овсяный,
Я солнце на руках.
Святись преполовением
И Рождеством святись,
Чтоб жаждущие бдения
Извечьем напились.
Плечьми трясем мы небо,
Руками зыбим мрак
И в тощий колос хлеба
Вдыхаем звездный злак.
О Русь, о степь и ветры,
И ты, мой отчий дом!*

На золотой повети
Гнездится вешний гром.
Овсом мы кормим бурю,
Молитвой поим дол,
И пашню голубую
Нам пашет разум-вол,
И ни единый камень,
Через пращу и лук,
Не подобьет над нами
Подъятье Божьих рук.

«О Дево
Мария! –
Поют небеса. –
На нивы златые
Пролей волоса.
Омой наши лица
Рукою земли.
С за-гор вереницей
Плывут корабли.
В них души усопших
И память веков.
О горе, кто ропщет,
Не снявши оков!
Кричащему в мраке
И бьющему лбом
Под тайные знаки
Мы врат не сомкнем.

Но сгибни, кто вышел
И узрел лишь миг!
Мы облачной крышей
Придавим слепых».

О Боже, Боже,
Ты ль
Качаешь землю в снах?
Созвездий светит пыль
На наших волосах.
Шумит небесный кедр
Через туман и ров,
И на долину бед
Спадают шишки слов.
Поют они о днях
Иных земель и вод,
Где на тугих ветвях
Кусал их лунный рот.
И шепчут про кусты
Непроходимых роц,
Где пляшет, сняв порты,
Златоколенный дождь.

Осанна в вышних!
Холмы поют про рай.
И в том раю я вижу
Тебя, мой отчий край.
Под Маврикийским дубом

Сидит мой рыжий дед,
И светит его шуба
Горохом частых звезд.
И та кошачья шапка,
Что в праздник он носил,
Глядит, как месяц, зябко
На снег родных могил.
С холмов кричу я деду:
«О отче, отзовись...»
Но тихо дремлют кедры,
Обвесив сучья вниз.
Не долетает голос
В его далекий брег...
Но чу! Звенит, как колос,
С земли растущий снег:
«Восстань, прозри и вижди!
Неосказуем рок.
Кто все живет и зиждет –
Тот знает час и срок.
Вострубят Божьи клики
Огнем и бурей труб,
И облак желтоклыкий
Прокусит млечный пуп.
И вывалится чрево
Испепелить бразды...
Но тот, кто мыслил Девой,
Взойдет в корабль звезды».

Август 1917

«За темной прядью перелесиц...»

*За темной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве,
Ягненок кудрявый – месяц
Гуляет в голубой траве.
В затихшем озере с осокой
Бодаются его рога, –
И кажется с тропы далекой –
Вода качает берега.
А степь под пологом зеленым
Кадит черемуховый дым
И за долинами по склонам
Свивает полымя над ним.
О сторона ковыльной пуши,
Ты сердцу ровностью близка,
Но и в твоей таится гуще
Солончаковая тоска.
И ты, как я, в печальной требе,
Забыв, кто друг тебе и враг,
О розовом тоскуешь небе
И голубиных облаках.
Но и тебе из синей шири
Пугливо кажет темнота
И кандалы твоей Сибири,
И горб Уральского хребта.*

1916

«В том краю, где желтая крапива...»

В том краю, где желтая крапива
И сухой плетень,
Приютились к вербам сиротливо
Избы деревень.
Там в полях, за синей гущей лога,
В зелени озер,
Пролегла песчаная дорога
До сибирских гор.
Затерялась Русь в Мордве и Чуди,
Нипочем ей страх.
И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах.
Все они убийцы или воры,
Как судил им рок.
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щек.
Много зла от радости в убийцах,
Их сердца просты,
Но кривятся в почернелых лицах
Голубые рты.
Я одну мечту, скрывая, нежу,
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.
И меня по ветряному свею,
По тому ль песку,
Поведут с веревкою на шею
Полюбить тоску.

*И когда с улыбкой мимоходом
Распрямлю я грудь,
Языком залижет непогода
Прожитой мой путь.*

«Я снова здесь, в семье родной...»

*Я снова здесь, в семье родной,
Мой край, задумчивый и нежный!
Кудрявый сумрак за горой
Рукою машет белоснежной.
Седины пасмурного дня
Плывут всклокоченные мимо,
И грусть вечерняя меня
Волнует непреодолимо.
Над куполом церковных глав
Тень от зари упала ниже.
О други игрищ и забав,
Уж я вас больше не увижу!
В забвенье канули года,
Вослед и вы ушли куда-то.
И лишь по-прежнему вода
Шумит за мельницей крылатой.
И часто я в вечерней мгле,
Под звон надломленной осоки,
Молюсь дымящейся земле
О невозвратных и далеких.*

**«Не бродить, не мять в кустах
багряных...»**

Не бродить, не мять в кустах
багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.
С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.
Зерна глаз твоих осыпались, завя-
ли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой
шали
Запах меда от невинных рук.
В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.
Пусть порой мне шепчет синий
вечер,
Что была ты песня и мечта,
Всё ж, кто выдумал твой гибкий
стан и плечи –
К светлой тайне приложил уста.
Не бродить, не мять в кустах
багряных
Лебеды и не искать следа.

*Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.
1916*

Осень

Р. В. Иванову

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.

Осень – рыжая кобыла – чешет гриву.

Над речным покровом берегов

Слышен синий лязг ее подков.

Схимник-ветер шагом осторожным

Мнет листву по выступам дорожным

*И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримо Христу.*

1914

«О красном вечере задумалась дорога...»

О красном вечере задумалась дорога,

Кусты рябин туманней глубины.

Изба-старуха челюстью порога

Жует пахучий мякиш тишины.

Осенний холод ласково и кротко
Крадется мглой к овсяному двору;
Сквозь синь стекла желтоволосый отрок
Лучит глаза на галочью игру.
Обняв трубу, сверкает по повети
Зола зеленая из розовой печи.
Кого-то нет, и тонкогубый ветер
О ком-то шепчет, сгинувшем в
ночи.
Кому-то пятками уже не мять
по рощам
Щербленный лист и золото травы.
Тягучий вздох, ныряя звоном тощим,
Целует клюв нахохленной совы.
Все гуще хмарь, в хлеву покой и дрема,
Дорога белая узорит скользкий ров...
И нежно охает ячменная солома,
Свисая с губ кивающих коров.

«Ночь и поле, и крик петухов»

Ночь и поле, и крик петухов...
С златной тучки глядит Саваоф.
Хлесткий ветер в равнинную синь

Катит яблоки с тощих осин.
Вот она, невеселая рябь
С журавлиной тоской сентября!
Смолкшим колоколом над прудом
Опрокинулся отчий дом.
Здесь все так же, как было тогда,
Те же реки и те же стада.
Только ивы над красным бугром
Обветшалым трясут подолом.
Кто-то сгиб, кто-то канул во
тьму,
Уж кому-то не петь на холму.
Мирно грезит родимый очаг
О погибших во мраке плечах.
Тихо-тихо в божничном углу,
Месяц месит кутью на полу...
Но тревожит лишь помином
тишь
Из запечья пугливая мышь.

1916–1922

«О край дождей и непогоды...»

О край дождей и непогоды,
Кочующая тишина,
Ковригой хлебную под сводом
Надломлена твоя луна.
За перепаханною нивой

Малиновая лебеда.
На ветке облака, как слива,
Златится спелая звезда.
Опять дорогой верстовою,
Наперекор твоей беде,
Бреду и чую яровое
По голубеющей воде.
Клубит и пляшет дым болот-
ный...
Но и в кошме певучей тьмы
Неизреченностью животной
Напоены твои холмы.

Под отчим кровом

Пропавший месяц

Облак, как мышь,
подбежал и взмахнул
В небо огромным хвостом.
Словно яйцо,
расколовшись, скользнул
Месяц за дальним холмом.
Солнышко утром в колодезь озер
Глянуло –
месяца нет...
Свесило ноги оно на бугор,
Кликнуло –
месяца нет.

Клич тот услышал с реки рыбо-
лов,
Вздумал старик подшутить.
Отраженье от солнышка
с утренних вод
Стал он руками ловить.
Выловил.
Крепко скрутил бечевой,
Уши коленом примял.
Вылез и тихо на луч золотой
Солнечных век
привязал.
Солнышко к Богу глаза подняло
И сказало:
«Тяжеск мой труд!»
И вдруг солнышку
что-то веки свело,
Оглянулося –
месяц как тут.
Как белка на ветке, у солнца в
глазах
Запрыгала радость...
Но вдруг...
Луч оборвался,
и по скользким холмам
Отраженье скатилось в луг.
Солнышко испугалось...
А старый дед,

Смеясь, грохотал, как гром.
И голубем синим
вечерний свет
Махал ему в рот крылом.

«Под красным вязом крыльцо и двор...»

Под красным вязом крыльцо и
двор,
Луна над крышей как злат бугор.
На синих окнах накапан лик:
Бредет по туче седой Старик.
Он смуглой горстью меж тихих
древ
Бросает звезды – озимый сев.
Взрастает нива, и зерна душ
Со звоном неба спадают в глушь.
Я помню время, оно, как звук,
Стучало клювом в древесный сук.
Я был во злаке, но костный ум
Уж верил в поле и водный шум.
В меже под елью, где облак-тын,
Мне снились реки золотых долин.
И слышал дух мой про край хол-
мов,
Где есть рожденье в посеве слов.

«Не напрасно дули ветры...»

Не напрасно дули ветры,

Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.
С чьей-то ласковости вешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.
Не гнетет немая млечность,
Не тревожит звездный страх.
Полюбил я мир и вечность,
Как родительский очаг.
Все в них благостно и свято,
Все тревожное светло.
Плещет рдяный мак заката
На озерное стекло.
И невольно в море хлеба
Рвется образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка.

Корова

Дряхлая, выпали зубы,
Свиток годов на рогах.
Бил ее выгонщик грубый
На перегонных полях.
Сердце не ласково к шуму,
Мыши скребут в уголке.
Думает грустную думу

О белоногом телке.
Не дали матери сына,
Первая радость не прок.
И на колу под осиной
Шкуру трепал ветерок.
Скоро на гречневом сее,
С той же сыновней судьбой,
Свяжут ей петлю на шею
И поведут на убой.
Жалобно, грустно и тоще
В землю вопьются рога...
Снится ей белая роца
И травяные луга.

«Твой глас незримый, как дым в избе...»

Твой глас незримый, как дым в избе.
Смиранным сердцем молюсь тебе.
Овсяным ликом питаю дух,
Помощник жизни и тихий друг.
Рудою солнца посеян свет,
Для вечной правды названья нет.
Считает время песок мечты,
Но новых зерен прибавил ты.
В незримых пашнях растут слова,
Смешалась с думой ковыль-трава.
На крепких сгибах воздетых рук

*Возводит церкви строитель звук.
Есть радость в душах – топтать
твой цвет,
На первом снеге свой видеть след.
Но краше кротость и стихший
пыл
Склонивших веки пред звоном
крыл.*

«Заглушила засуха засевки...»

*Заглушила засуха засевки,
Сохнет рожь, и не всходят овсы.
На молебен с хоругвями девки
Потащились в комлях полосы.
Собрались прихожане у чащи,
Лихоманную грусть затая.
Загузынил дьячишко ледащий:
«Спаси, Господи, люди твоя».
Открывались небесные двери,
Дьякон бавкнул из кряжистых
сил:
«Еще молимся, братья, о вере,
Чтобы Бог нам поля оросил».
Заливались веселые птахи,
Крапал брызгами поп из горстей,
Стрекотуньи-сороки, как свахи,
Накликали дождливых гостей.
Зыбко пенились зори за рощей,*

Как холстины ползли облака,
И туманно по быльнице тощей
Меж кустов ворковала река.
Скинув шапки, молясь и вздыхая,
Говорили промеж мужики:
«Колосилась-то ярь неплохая,
Да сгубили сухие деньки».
На коне – черной тучице в сан-
ках –
Билось пламя-шлея... синь и
дрожь.
И кричали парнишки в еланках:
«Дождик, дождик, полей нашу
рожь!»

«Не от холода рябинушка дрожит...»

Не от холода рябинушка дрожит,
Не от ветра море синее кипит.
Напоили землю радостью снега,
Снятся деду иорданские брега.
Видит в долах он озера да кусты,
Через озера перекинута мосты.
Как по мостику, кудряв и желто-
рус,
Бродит отрок, сын Иосифа, Исус.
От восхода до заката в хмаре вод
Кличет утиц он и рыбешек зовет:
«Вы сходитесь ко мне, твари, за

корму,
Научите меня разуму-уму».
Как по бережку, меж вымоин и
гор,
Тихо льется их беседа-разговор.
Мелка рыбешка, сплеснувшись на
песок,
Подает ли свой подводный голо-
сок:
«Уж ты, чадо, мило дитяtko,
Христос,
Мы пришли к тебе с поклоном на
допрос.
Ты иди учись в пустынях да лесах;
Наша тайна отразилась в небе-
сах».

«Весна на радость не похожа...»

Весна на радость не похожа,
И не от солнца желт песок.
Твоя обветренная кожа
Лучила гречневый пушок.
У голубого водопоя
На шишкоперой лебеде
Мы поклялись, что будем двое
И не расстанемся нигде.
Кадила темь, и вечер тощий
Свивался в огненной резьбе,

*Я проводил тебя до рощи,
К твоей родительской избе.
И долго-долго в дреме зыбкой
Я оторвать не мог лица,
Когда ты с ласковой улыбкой
Махал мне шапкою с крыльца.*

«К теплому свету, на отчий порог...»

*К теплому свету, на отчий порог,
Тянет меня твой задумчивый
вдох.
Ждут на крыльчке там бабка и
дед
Резвого внука подсолнечных лет.
Строен и бел, как березка, их внук,
С медом волосьев и бархатом рук.
Только, о друг, по глазам голу-
бым –
Жизнь его в мире пригрезилась
им.
Шлет им лучистую радость во
мглу
Светлая Дева в иконном углу.
С тихой улыбкой на тонких губах
Держит их внука она на руках.*

«Заря над полем – как красный тын...»

Заря над полем – как красный

тын.

Плывет на тучке Превечный Сын.
Вот вышла бабка кормить цып-
лят.

Горит на небе святой оклад.

– Здорово, внучек!

– Здорово, свет!

– Зайди в избушку.

– А дома ль дед?

– Он чинит невод ловить ершей.

– А много ль деду от роду дней?

– Уж скоро девять десятков

зим. –

И вспорхнул внучек, как белый
дым.

С душою деда поплыл в туман,
Где зреет полдень незримых
стран.

«Алый мрак в небесной черни...»

Алый мрак в небесной черни
Начертил пожаром грань.
Я пришел к твоей вечерне,
Полевая глухомань.
Нелегка моя кошница,
Но глаза синее дня.
Знаю, мать-земля черница,
Все мы тесная родня.

Разошлись мы в даль и шири
Под лазоревым крылом.
Но зовет нас из Псалтыри
Заревой заре псалом.
И придем мы по равнинам
К правде сошъего креста
Светом книги Голубиной
Напоить свои уста.

«О товарищах веселых...»

О товарищах веселых,
О полях посеребрённых
Загрустила, словно голубь,
Радость лет уединённых.
Ловит память тонким клювом
Первый снег и первопуток.
В санках озера над лугом
Запоздалый окрик уток.
Под окном от скользких елей
Тень протягивает руки.
Тихих вод парагуш квелый
Курит люльку на излуке.
Легким дымом к дальним по-
жням
Шлет поклон день ласк и вишен.
Запах трав от бабьей кожи
На губах моих я слышу.
Мир вам, рощи, луг и липы,

*Литии медовый ладан!
Все приявшему с улыбкой
Ничего от вас не надо.*

Златой посев

Ус

*Не белы снега по-над Доном
Заметали степь синим звоном.
Под крутой горой, что ль под ты-
ном,
Расставалась мать с верным сы-
ном:
«Ты прощай, мой сын, прощай, ча-
до,
Знать, пришла пора, ехать надо!
Захирел наш дол по-над Доном,
Под пятой Москвы, под полоном».
То не водный звон за путиной –
Бьет копытом конь под осиною.
Под краснёву дремь, под сугредок
Отвечал ей сын напоследок:
«Ты не стой, не плачь на дорогу,
Зажигай свечу, молись Богу.
Соберу я Дон, вскручу вихорь,
Полоню царя, сниму лихо».
Не река в бугор била пеной –
Вынимал он нож с-под колена,*

Отрезал с губы ус чернявый,
Говорил слова над дубравой:
«Уж ты, мать моя, голубица,
Сбереги ты ус на божнице;
Окропи его красным звоном,
Положи его под икону!»
Гикал-ухал он под туманом,
Подымалась пыль за курганом.
А она в ответ, как не рада:
«Уж ты, сын ли мой, мое чадо!»

На крутой горе, под Калугой,
Повенчался Ус с синей вьюгой.
Лежит он на снегу под елью,
С весела-разгула, с похмелья.
Перед ним все знать да бояры,
В руках золотые чары.
«Не гнушайся ты, Ус, не злобуй,
Подымись, хоть пригубь, попробуй!
Нацедили мы вин красносочких
Из грудей из твоих из высоких,
Как пьяна с них твоя супруга,
Белокосая девица-вьюга!»
Молчит Ус, не кинет взгляда, –
Ничего ему от земли не надо.
О другой он земле гадает,
О других небесах вздыхает...

Заждалася сына дряхлая вдовица,
День и ночь горюя, сидя под бож-
ницей.

Вот прошло-проплыло уж второе
лето,

Снова снег на поле, а его все нету.
Подошла, взглянула в мутное
окошко...

«Не одна ты в поле катишься, до-
рожка!»

Свищет сокол-ветер, бредит ти-
хим Доном.

«Хорошо б прижаться к золотым
иконам...»

Села и прижалась, смотрит
кротко-кротко...

«На кого ж похож ты, светлогла-
зый отрок?..»

А! – сверкнули слезы над увядшим
усом. –

Это ты, о сын мой, смотришь
Иисусом!»

Радостью светит она из угла.

Песню запела и гребень взяла.

Лик ее старческий ласков и строг.
Встанет, присядет за печь, на по-
рог.

Вечер морозный, как волк, тем-

но-бур...

*Кличет цыплят и нахохленных
кур:*

«Цыпушки-цыпы, свет-петушок!..»

Крепок в руке роговой гребешок.

Стала, уставилась лбом в темноту,

Чешет волосья младенцу Христу.

«Колокольчик среброзвонный...»

*Колокольчик среброзвонный,
Ты поешь? Иль сердцу снится?*

Свет от розовой иконы

На золотых моих ресницах.

Пусть не я тот нежный отрок

В голубином крыльев плеске,

Сон мой радостен и кроток

О нездешнем перелеске.

Мне не нужен вздох могилы,

Слову с тайной не обняться.

Научи, чтоб можно было

Никогда не просыпаться.

«Запели тесаные дроги...»

Запели тесаные дроги,

Бегут равнины и кусты.

Опять часовни на дороге

И поминальные кресты.

Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Невольно крестится рука.
О Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку.
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.
Холодный скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить –
Я научиться не могу.
И не отдам я эти цепи,
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.

Голубень

В прозрачном холоде заголубели
долы,
Отчетлив стук подкованных ко-
пыт.
Трава, поблекшая, в расстеленные
полы
Сбирает медь с обветренных ра-
кит.
С пустых лощин ползет дугою
тощей

Сырой туман, курчаво свившись в
мох,
И вечер, свесившись над речкою,
полощет
Водою белой пальцы синих ног.

Осенним холодом расцвечены на-
дежды,
Бредет мой конь, как тихая судь-
ба,
И ловит край махающей одежды
Его чуть мокрая буланая губа.
В дорогу дальнюю, не к битве, не к
покою,
Влекут меня незримые следы,
Погаснет день, мелькнув пятой
златою,
И в короб лет улягутся труды.

Сыпучей ржавчиной краснеют по
дороге
Холмы плешивые и слегшийся пе-
сок,
И пляшет сумрак в галочьей тре-
воге,
Согнув луну в пастушеский ро-
жок.
Молочный дым качает ветром

села,
Но ветра нет, есть только лег-
кий звон.
И дремлет Русь в тоске своей ве-
селой,
Вцепивши руки в желтый кру-
тосклон.

Манит ночлег, недалеко до хаты,
Укропом вялым пахнет огород,
На грядки серые капуста волнова-
той
Рожок луны по капле масло льет.
Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость
хлеба
И с хрустом мысленно кусаю
огурцы,
За ровной гладью вздрогнувшее
небо
Выводит облако из стойла под
узды.

Ночлег, ночлег, мне издавна зна-
кома
Твоя попутная разымчивость в
крови,
Хозяйка спит, а свежая солома
Примята ляжками вдовеющей

любви.

Уже светает, краской тараканьей

Обведена божница по углу,

Но мелкий дождь своей молитвой ранней

Еще стучит по мутному стеклу.

Опять передо мною голубое поле,
Качают лужи солнца рдяный лик.

Иные в сердце радости и боли,

И новый говор липнет на язык.

Водю зыбкой стынет синь во взорах,

Бредет мой конь, откинув удила,

И горстью смуглою листвы последний ворох

Кидает ветер вслед из подола.

«Прощай, родная пуща...»

Прощай, родная пуща,

Прости, златой родник.

Плывут и рвутся тучи

О солнечный сошник.

Сияй ты, день погожий,

А я хочу грустить.

За голенищем ножик

Мне больше не носить.

Под брюхом жеребенка
В глухую ночь не спать
И радостию звонкой
Лесов не оглашать.
И не избегнуть бури,
Не миновать утрат,
Чтоб прозвенеть в лазури
Кольцом незримых врат.

«Покраснела рябина...»

Покраснела рябина,
Посинела вода.
Месяц, всадник унылый,
Уронил повода.
Снова выплыл из рощи
Синим лебедем мрак.
Чудотворные мощи
Он принес на крылах.
Край ты, край мой, родимый,
Вечный пахарь и вой,
Словно Вольга под ивой,
Ты поник головой.
Встань, пришло исцеленье,
Навестил тебя Спас.
Лебединое пенье
Нежит радугу глаз.
Дня закатного жертва
Искупила весь грех.

Новой свежестью ветра
Пахнет зреющий снег.
Но незримые дрожжи
Все теплей и теплей...
Помяну тебя в дождик
Я, Есенин Сергей.

«В лунном кружеве украдкой...»

В лунном кружеве украдкой
Ловит призраки долина.
На божнице за лампадкой
Улыбнулась Магдалина.
Кто-то дерзкий, непокорный,
Позавидовал улыбке.
Вспучил бельма вечер черный,
И луна, как в белой зыбке.
Разыгралась тройка-вьюга,
Брызжет пот, холодный, тёрп-
кий.
И плакучая лещуга
Лезет к ветру на закорки.
Смерть в потемках точит брит-
ву...
Вон уж плачет Магдалина.
Помяни мою молитву
Тот, кто ходит по долинам.

«То не тучи бродят за овином...»

То не тучи бродят за овином
И не холод.
Замесила Божья Матерь сыну
Колоб.
Всякой снадобью она поила жито
В масле.
Испекла и положила тихо
В ясли.
Заигрался в радости младенец,
Пал в дрему,
Уронил он колоб золоченый
На солому.
Покатился колоб за ворота
Рожью.
Замутили слезы душу голубую
Божью.
Говорила Божья Матерь сыну
Советы:
«Ты не плачь, мой лебеденочек,
Не сетуй.
На земле все люди человеки,
Чада.
Хоть одну им малую забаву
Надо.
Жутко им меж темных
Перелесиц,
Назвала я этот колоб –
Месяц».

«Тучи с ожерёба...»

Тучи с ожерёба
Ржут, как сто кобыл.
Плещет надо мною
Пламя красных крыл.
Небо словно вымя,
Звезды как сосцы.
Пухнет Божье имя
В животе овцы.
Верю: завтра рано,
Чуть забрезжит свет,
Новый под туманом
Вспыхнет Назарет.
Новое восславят
Рождество поля,
И, как пес, пролетает
За горой заря.
Только знаю: будет
Страшный вопль и крик,
Отрекутся люди
Славить новый лик.
Скрежетом булата
Вздыбят пасть земли...
И со щек заката
Спрыгнут скулы-дни.
Побегут, как лани,
В степь иных сторон,
Где вздымает длани

Новый Симеон.

Лисица

А. М. Ремизову

На раздробленной ноге приковыляла,
У норы свернулася в кольцо.
Тонкой прошивой кровь отмежевала
На снегу дремучее лицо.
Ей все бластился в колючем дыме
выстрел,
Кольхалася в глазах лесная топь.
Из кустов косматый ветер
взбыстрил
И рассыпал звонистую дробь.
Как желна, над нею мгла металась,
Мокрый вечер липок был и ал.
Голова тревожно подымалась,
И язык на ране застывал.
Желтый хвост упал в метель по-
жаром,
На губах – как прелая морковь...
Пахло инеем и глиняным угаром,
А в ошур сочилась тихо кровь.

1915

«О Русь, взмахни крылами...»

*О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.
По голубой долине,
Меж телок и коров,
Идет в золотой ряднине
Твой Алексей Кольцов.
В руках – краюха хлеба,
Уста – вишневый сок.
И вызвездило небо
Пастушеский рожок.
За ним, с снегов и ветра,
Из монастырских врат,
Идет, одетый светом,
Его середний брат.
От Вытегры до Шуи
Он избраздил весь край
И выбрал кличку – Клюев,
Смиранный Миколай.
Монашья мудр и ласков,
Он весь в резьбе молвы,
И тихо сходит пасха
С бескудрой головы.
А там, за взгорьем смелым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,*

Такой разбойный я.
Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной Бога
Веду я тайно спор.
Сшибаю камнем месяц
И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.
За мной незримым роем
Идет кольцо других,
И далеко по селам
Звонит их бойкий стих.
Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол.
Сокройся, сгинь ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.
Довольно гнить и ноесть,
И славить взлетом гнусь –
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь,
Уж повела крылами
Ее немая крепь!
С иными именами

Встает иная степь.

«Гляну в поле, гляну в небо...»

*Гляну в поле, гляну в небо –
И в полях и в небе рай.
Снова тонет в копнах хлеба
Незапаханный мой край.
Снова в рощах непасеных
Неизбывные стада,
И струится с гор зеленых
Златоструйная вода.
О, я верю – знать, за муки
Над пропащим мужиком
Кто-то ласковые руки
Проливает молоком.*

«Там, где вечно дремлет тайна...»

*Там, где вечно дремлет тайна,
Есть нездешние поля.
Только гость я, гость случайный
На горах твоих, земля.
Широки леса и воды,
Крепок взмах воздушных крыл.
Но века твои и годы
Затуманил бег светил.
Не тобой я поцелован,
Не с тобой мой связан рок.
Новый путь мне уготован*

От захода на восток.
Суждено мне изначально
Возлететь в немую тьму.
Ничего я в час прощальный
Не оставлю никому.
Но за мир твой, с выси звездной,
В тот покой, где спит гроза,
В две луны зажгу над бездной
Незакатные глаза.

1917

Преображение (1918)

Преображение

Преображение

Разумнику-Иванову

*Облаки лают,
Ревет златозубая высь...
Пою и взываю:
Господи, отелись!
Перед воротами в рай
Я стучусь;
Звездами спеленай
Телицу-Русь.
За тучи тянется моя рука,
Бурею шумит песнь,
Небесного молока
Даждь мне днесь.
Грозно гремит твой гром,
Чудится плеск крыл.
Новый Содом
Сжигает Егудиил.
Но твердо, не глядя назад,
По ниве вод
Новый из красных врат
Выходит Лот.*

Не потому ль в березовых
Кустах поет сверчок
О том, как ликом розовым
Окапал рожь восток;
О том, как Богородица,
Накинув синий плат,
У облачной околицы
Скликает в рай телят.
С утра над осенницею
Я слышу зов трубы.
Теленькает синицею
Он про глагол судьбы.
«О веруй, небо вспенится,
Как лай, сверкнет волна.
Над рощею оценится
Златым щенком луна.
Иной травой и чащею
Отенит мир вода.
Малиновкой журчащею
Слетит в кусты звезда.
И выползет из колоса,
Как рой, пшеничный злак,
Чтобы пчелиным голосом
Озлатонивить мрак...»

Ей, россияне!
Ловцы вселенной,
Неводом зари зачерпнувшие

небо, –
Трубите в трубы.
Под плугом бури
Ревет земля.
Рушит скалы златоклыкий
Омеж.
Новый сеятель
Бредет по полям,
Новые зерна
Бросает в борозды.
Светлый гость в колымаге к вам
Едет.
По тучам бежит
Кобылица.
Шлея на кобыле –
Синь.
Бубенцы на шлее –
Звезды.

Стихни, ветер,
Не лай, водяное стекло.
С небес через красные сети
Дождит молоко.
Мудростью пухнет слово,
Вязью колося поля.
Над тучами, как корова,
Хвост задрала заря.
Вижу тебя из окошка,

Зиждатель щедрый,
Ризою над землею
Свесивший небеса.
Ныне
Солнце, как кошка,
С небесной вербы
Лапкою золотою
Трогает мои волоса.

Зреет час преображенья,
Он сойдет, наш светлый гость,
Из распятого терпенья
Вынуть выржавленный гвоздь.
От утра и от полудня
Под поющий в небе гром,
Словно ведра, наши будни
Он наполнит молоком.
И от вечера до ночи,
Незакатный славя край,
Будет звездами пророчить
Среброзлачный урожай.
А когда над Волгой месяц
Склонит лик испить воды, –
Он, в ладью златую свесясь,
Уплывет в свои сады.
И из лона голубого,
Широко взмахнув веслом,
Как яйцо, нам сбросит слово

С проклевавшимся птенцом.

Ноябрь 1917

«Разбуди меня завтра рано...»

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.
Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной ку-
щей
Золотую его дугу.
На рассвете он завтра промчит-
ся,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.
Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.
Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

«О Матерь Божья...»

О Матерь Божья,
Спади звездой
На бездорожье,
В овраг глухой.
Пролей, как масло,
Власа луны
В мужичьи ясли
Моей страны.
Срок ночи долог.
В них спит твой сын.
Спусти, как полог,
Зарю на синь.
Окинь улыбкой
Мирскую весь
И солнце зыбкой
К кустам привесь.
И да взыграет
В ней, славя день,
Земного рая
Святой младень.

«Где ты, где ты, отчий дом...»

Где ты, где ты, отчий дом,
Гревший спину под бугром?
Синий, синий мой цветок,
Неприхоженный песок.
Где ты, где ты, отчий дом?
За рекой поет петух.

Там стада стерег пастух,
И светились из воды
Три далекие звезды.
За рекой поет петух.
Время – мельница с крылом
Опускает за селом
Месяц маятником в рожь
Лить часов незримый дождь.
Время – мельница с крылом.
Этот дождик с сонмом стрел
В тучах дом мой завертел,
Синий подкосил цветок,
Золотой примял песок.
Этот дождик с сонмом стрел.

1917

Пришествие

Пришествие

А. Белому

*Господи, я верую!..
Но введи в свой рай
Дождевыми стрелами
Мой пронзенный край.
За горой нехоженой,
В синеве долин,
Снова мне, о Боже мой,
Предстает твой сын.
По тебе молюся я
Из мужичьих мест;
Из прозревшей России
Он несет свой крест.
Но пред тайной острова
Безначальных слов
Нет за ним апостолов,
Нет учеников.*

*О Русь, Приснодева,
Поправшая смерть!
Из звездного чрева
Сошла ты на твердь.
На яслях овечьих*

Осынила дол
За то, что в предтечах
Был пахарь и вол.
Воззри же на нивы,
На сжатый овес, –
Под снежною ивой
Упал твой Христос!
Опять Его вои
Стегают плетьюми
И бьют головою
О выступы тьмы...

Но к вихрю бездны
Он нем и глух.
С шеста созвездья
Поет петух.
О други, где вы?
Уж близок срок.
Темно ты, чрево,
И крест высок.
Вот гор воитель
Ощупал мглу.
Христа рачитель
Сидит в углу.
«Я видел: с Ним он
Нам сеял мрак!»
«Нет, я не Симон...
Простой рыбак».

Вздохнула плесень,
И снег потух...
То третью песню
Пропел петух.

Ей, Господи,
Царю мой!
Дьяволы на руках
Укачали землю.
Снова пришествию Его
Поднят крест.
Снова раздирается небо.
Тишина полей и разума
Точит копыя.
Лестница к саду твоему
Без приступок.
Как взойду, как поднимусь по ней
С кровью на отцах и братьях?
Тянет меня земля,
Оцепили пески.
На реках твоих
Сохну.

Симоне, Петр...
Где ты? Приди.
Вдрогнули ветлы:
«Там, впереди!»
Симоне, Петр...

Где ты? Зову!
Шепчется кто-то:
«Кричи в синеву!»
Крикнул – и громко
Вздыбился мрак.
Вышел с котомкой
Рыжий рыбак.
«Друг... Ты откуда?»
«Шел за тобой...»
«Кто ты?» – «Иуда!» –
Шамкнул прибор.
Рухнули гнезда
Облачных риз.
Ласточки-звезды
Канули вниз.

О Саваофе!
Покровом твоим рек и озер
Прикрой сына!
Под ивой бьют Его вои
И голгофят снега твои.
О ланиту дождей
Преломи
Лезвие заката...
Трубами вьюг
Возвести языки...
Но не в суд или во осуждение.

Явись над Елеоном
И правде наших мест!
Горстьми златых затонов
Мы окропим твой крест.
Холмы поют о чуде,
Про рай звенит песок.
О верю, верю – будет
Телиться твой восток!
В моря овса и гречи
Он кинет нам телка...
Но долог срок до встречи,
А гибель так близка!
Уйми ты ржанье бури
И топ громов уйми!
Пролей ведро лазури
На ветхое деньми!
И дай дочерпать волю
Медведицей и сном,
Чтоб вытекшей душою
Удобрить чернозем...

«Нивы сжаты, рощи голы...»

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.
Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,

Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.
Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.

«Зеленая прическа...»

Л. И. Кашиной

Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?
Что шепчет тебе ветер?
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?
Открой, открой мне тайну
Твоих древесных дум,
Я полюбил печальный
Твой предосенний шум.
И мне в ответ березка:
«О любопытный друг,
Сегодня ночью звездной
Здесь слезы лил пастух.
Луна стелила тени,
Сияли зеленя.

За голые колени
Он обнимал меня.
И так, вдохнувши глубоко,
Сказал под звон ветвей:
«Прощай, моя голубка,
До новых журавлей».

«Серебристая дорога...»

Серебристая дорога,
Ты зовешь меня куда?
Свечкой чисточетверговой
Над тобой горит звезда.
Грусть ты или радость теплишь?
Иль к безумью правишь бег?
Помоги мне сердцем вешним
Долюбить твой жесткий снег.
Дай ты мне зарю на дровни,
Ветку вербы на узду.
Может быть, к вратам Господ-
ним
Сам себя я приведу.

1917

«Отвори мне, страж заоблачный...»

Отвори мне, страж заоблачный,
Голубые двери дня.
Белый ангел этой полночью
Моего увел коня.

Богу лишнего не надобно,
Конь мой – мощь моя и крепь.
Слышу я, как ржет он жалобно,
Закусив золотую цепь.
Вижу, как он бьется, мечется,
Теребя тугой аркан,
И летит с него, как с месяца,
Шерсть буланая в туман.

1917

«О пашни, пашни, пашни...»

О пашни, пашни, пашни,
Коломенская грусть,
На сердце день вчерашний,
А в сердце светит Русь.
Как птицы, свищут версты
Из-под копыт коня.
И брызжет солнце горстью
Свой дождик на меня.
О край разливов грозных
И тихих вешних сил,
Здесь по заре и звездам
Я школу проходил.
И мыслил и читал я
По библии ветров,
И пас со мной Исая
Моих золотых коров.

1917

**«Проплясал, проплакал дождь
весенний...»**

Проплясал, проплакал дождь ве-
сенний,
Замерла гроза.
Скучно мне с тобой, Сергей Есе-
нин,
Подымать глаза...
Скучно слушать под небесным
древом
Взмах незримых крыл:
Не разбудишь ты своим напевом
Дедовских могил!
Привязало, осаднило слово
Даль твоих времен.
Не в ветрах, а, знать, в томах тя-
желых
Прозвенит твой сон.
Кто-то сядет, кто-то выгнет
плечи,
Вытянет персты.
Близок твой кому-то красный ве-
чер,
Да не нужен ты.
Всколыхнет он Брюсова и Блока,
Встормошит других,

*Но все так же день взойдет с во-
стока,
Так же вспыхнет миг.
Не изменят лик земли напевы,
Не стряхнут листа.
Навсегда твои пригвождены ко
древу
Красные уста.
Навсегда простер глухие длани
Звездный твой Пилат...
Или, Или, лама савахфани,
Отпусти в закат.
1917*

Инония

Инония

Пророку Иеремии

*Не утрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей, –
Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей.
Время мое пришло,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело
Выплываю изо рта.*

Не хочу воспринять спасения
Через муки Его и крест:
Я иное постиг учение
Прободающих вечность звезд.
Я иное узрел пришествие –
Где не пляшет над правдой
смерть.
Как овцу от поганой шерсти, я
Остригу голубую твердь.
Подыму свои руки к месяцу,
Раскушу его, как орех.
Не хочу я небес без лестницы,
Не хочу, чтобы падал снег.
Не хочу, чтоб умело хмуриться
На озерах зари лицо.
Я сегодня снесся, как курица,
Золотым словесным яйцом.
Я сегодня рукой упругою
Готов повернуть весь мир...
Грозовой расплескались вьюгою
От плечей моих восемь крыл.

Лай колоколов над Русью гроз-
ный –
Это плачут стены Кремля.
Ныне на пики звездные
Вздыхливаю тебя, земля!
Протянусь до незримого города,

Млечный прокушу покров.
Даже Богу я выщиплю бороду
Оскалом моих зубов.
Ухвачу его за гриву белую
И скажу ему голосом вьюг:
Я иным тебя, Господи, сделаю,
Чтобы зрел мой словесный луг!
Проклинаю я дыхание Китежа
И все лощины его дорог.
Я хочу, чтоб на бездонном вытя-
же
Мы воздвигли себе чертог.
Языком вылижу на иконах я
Лики мучеников и святых.
Обещаю вам град Инонию,
Где живет Божество живых!
Плачь и рыдай, Московия!
Новый пришел Индикоплов.
Все молитвы в твоём часослове я
Проклюю моим клювом слов.
Уведу твой народ от упования,
Дам ему веру и мощь,
Чтобы плугом он в зори ранние
Распахивал с солнцем ночь.
Чтобы поле его словесное
Выращало ульями злак,
Чтобы зерна под крышей небес-
ною

Озлащали, как пчелы, мрак.
Проклинаю тебя я, Радонеж,
Твои пятки и все следы!
Ты огня золотого залежи
Разрыхлял киркою воды.
Стая туч твоих, по-волчьи лаю-
щих,
Словно стая злющих волков,
Всех зовущих и всех дерзающих
Прободала копьем клыков.
Твое солнце когтистыми лапами
Прокогтялось в душу, как нож.
На реках вавилонских мы плака-
ли,
И кровавый мочил нас дождь.
Ныне ж бури воловьим голосом
Я кричу, сняв с Христа штаны:
Мойте руки свои и волосы
Из лоханки второй луны.
Говорю вам – вы все погибнете,
Всех задушит вас веры мох.
По-иному над нашей выгибью
Вспух незримой коровой Бог.
И напрасно в пещеры селятся
Те, кому ненавистен рев.
Все равно – он иным отелится
Солнцем в наш русский кров.
Все равно – он спалит телением,

Что ковало реке берега.
Разгвоздят мировое кипение
Золотые его рога.
Новый сойдет Олипий
Начертать его новый лик.
Говорю вам – весь воздух выпью
И кометой вытяну язык.
До Египта раскорячу ноги,
Раскую с вас подковы мук...
В оба полюса снежнорогие
Вопьюся клещами рук.
Коленом придавлю экватор
И под бури и вихря плач
Пополам нашу землю-матерь
Разломлю, как золотой калач.
И в провал, отененный бездною,
Чтобы мир весь слышал тот
треск,
Я главу свою власозвездную
Просуну, как солнечный блеск.
И четыре солнца из облачья,
Как четыре бочки с горы,
Золотые рассыпав обручи,
Скатясь, всколыхнут миры.

И тебе говорю, Америка,
Отколотая половина земли, –
Страшишь по морям безверия

Железные пускать корабли!
Не отягивай чугунной радугой
Нив и гранитом – рек.
Только водью свободной Ладоги
Просверлит бытие человек!
Не вбивай руками синими
В пустошь потолок небес:
Не построить шляпками гвозди-
ными
Сияние далеких звезд.
Не залить огневого брожения
Лавой стальной руды.
Нового вознесения
Я оставлю на земле следы.
Пятками с облаков свесюсь,
Прокопытню тучи, как лось;
Колесами солнце и месяц
Надену на земную ось.
Говорю тебе – не пой молебствия
Проволочным твоим лучам.
Не осветят они пришествия,
Бегущего овцой по горам!
Сыщется в тебе стрелок еще
Пустить в его грудь стрелу.
Словно полымя, с белой шерсти
его
Брызнет теплая кровь во мглу.
Звездами золотые копытца

Скатятся, взбороздив ночь.
И опять замелькает спицами
Над чулком ее черным дождь.
Возгремлю я тогда колесами
Солнца и луны, как гром;
Как пожар, размечу волосья
И лицо закрою крылом.
За уши встряхну я горы,
Копьями вытяну ковыль,
Все тыны твои, все заборы
Горстью смету, как пыль.
И вспашу я черные щеки
Нив твоих новой сохой;
Золотой пролетит сорокой
Урожай над твоей страной.
Новый он сбросит жителям
Крыл колосистых звон.
И, как жерди златые, вытянет
Солнце лучи на дол.
Новые вырастут сосны
На ладонях твоих полей.
И, как белки, желтые весны
Будут прыгать по сучьям дней.
Синие забрезжут реки,
Просверлив все преграды глыб.
И заря, опуская веки,
Будет звездных ловить в них рыб.
Говорю тебе – будет время,

Отплещут уста громов;
Прободят голубое темя
Колосья твоих хлебов.
И над миром с незримой лестни-
цы,
Оглашая поля и луг,
Проклевавшись из сердца месяца,
Кукарекнув, взлетит петух.

По тучам иду, как по ниве, я,
Свесься головою вниз.
Слышу плеск голубого ливня
И светил тонноклювых свист.
В синих отражаюсь затонах
Далеких моих озер.
Вижу тебя, Инония,
С золотыми шапками гор.
Вижу нивы твои и хаты,
На крылечке старушку мать;
Пальцами луч заката
Старается она поймать.
Прищемит его у окошка,
Схватит на своем горбе, –
А солнышко, словно кошка,
Тянет клубок к себе.
И тихо под шепот речки,
Прибрежному эху в подол,
Каплями незримой свечки

Капают песня с гор:
«Слава в вышних Богу
И на земле мир!
Месяц синим рогом
Тучи прободил.
Кто-то вывел гуся
Из яйца звезды –
Светлого Иисуса
Проклевать следы.
Кто-то с новой верой,
Без креста и мук,
Натянул на небе
Радугу, как лук.
Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!
Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.
Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера – в силе.
Наша правда – в нас!»

Январь 1918

«О верю, верю, счастье есть!..»

О верю, верю, счастье есть!
Еще и солнце не погасло.
Заря молитвенником красным
Пророчит благостную весть.

О верю, верю, счастье есть.
Звени, звени, золотая Русь,
Волнуйся, неумолчный ветер!
Блажен, кто радостью отметил
Твою пастушескую грусть.
Звени, звени, золотая Русь.
Люблю я ропот буйных вод
И на волне звезды сиянье.
Благословенное страданье,
Благословляющий народ.
Люблю я ропот буйных вод.
1917

«Я по первому снегу бреду...»

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших
сил.
Вечер синюю свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.
Я не знаю, то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может, вместо зимы на полях
Это лебеди сели на луг.
Хороша ты, о белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз!
Так и хочется к телу прижаться
Обнаженные груди берез.
О, лесная, дремучая муть!

*О, веселье оснеженных нив!..
Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бедрами ив.*

1917

«Вот оно, глупое счастье...»

*Вот оно, глупое счастье
С белыми окнами в сад!
По пруду лебедем красным
Плавает тихий закат.
Здравствуй, золотое затишье,
С тенью березы в воде!
Галочья стая на крыше
Служит вечерню звезде.
Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветет,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поет.
Стелется синею рясой
С поля ночной холодок...
Глупое, милое счастье,
Свежая розовость щек!*

«Песни, песни, о чем вы кричите?..»

*Песни, песни, о чем вы кричите?
Иль вам нечего больше дать?
Голубого покоя нити
Я учусь в мои кудри вплетать.*

Я хочу быть тихим и строгим.
Я молчанью у звезд учусь.
Хорошо ивняком при дороге
Сторожить задремавшую Русь.
Хорошо в эту лунную осень
Бродить по траве одному
И собирать на дороге колосья
В обнищалую душу-суму.
Но равнинная синь не лечит.
Песни, песни, иль вас не стрях-
нуть?..
Золотистой метелкой вечер
Расчищает мой ровный путь.
И так радостен мне над пущей
Замирающий в ветре крик:
«Будь же холоден ты, живущий,
Как осеннее золото лип».

«О муза, друг мой гибкий...»

О муза, друг мой гибкий,
Ревнивица моя.
Опять под дождик сыпкий
Мы вышли на поля.
Опять весенним гулом
Приветствует нас дол,
Младенцем завернула
Заря луну в подол.
Теперь бы песню ветра

И нежное баю –
За то, что ты окрепла,
За то, что праздник светлый
Влила ты в грудь мою.
Теперь бы брызнуть в небо
Вишневым соком стих
За отческую щедрость
Наставников твоих.
О, мед воспоминаний!
О, звон далеких лип!
Звездой нам пел в тумане
Разумниковский лик.
Тогда в веселом шуме
Игривых дум и сил
Апостол нежный Клюев
Нас на руках носил.
Теперь мы стали зрелей
И весом тяжелей...
Но не заглушит трелью
Тот праздник соловей...
И этот дождик шальный
Его не смоем в нас,
Чтоб звон твоей лампы
Под ветром не погас.

1917

Трерядница (1920)

«Я последний поэт деревни...»

Мариенгофу

*Я последний поэт деревни,
Скромн в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвой берез.
Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.
На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость.
Злак овсяный, зарею пролитый,
Соберет его черная горсть.
Не живые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.
Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!*

Пантократор

Славь, мой стих, кто ревет и бе-
сится,
Кто хоронит тоску в плече,
Лошадиную морду месяца
Схватить за узду лучей.
Тысячи лет те же звезды славят-
ся,
Тем же медом струится плоть.
Не молиться тебе, а лаяться
Научил ты меня, Господь.
За седины твои кудрявые,
За копейки с золотых осин
Я кричу тебе: «К черту старое!»,
Непокорный, разбойный сын.
И за эти щедроты теплые,
Что сочишь ты дождями в муть,
О, какими, какими метлами
Это солнце с небес стряхнуть?

Там, за млечными холмами,
Средь небесных тополей,
Опрокинулся над нами
Среброструйный Водолей.
Он Медведицей с лазури –
Как из бочки черпаком.

В небо вспрыгнувшая буря
Села месяцу верхом.
В вихре снится сонм умерших,
Молоко дымящий сад,
Вижу, дед мой тянет вершей
Солнце с полдня на закат.
Отче, отче, ты ли внука
Услыхал в сей скорбный срок?
Знать, недаром в сердце мукал
Издыхающий телок.

Кружися, кружися, кружися,
Чекань твоих дней серебро!
Я понял, что солнце из выси –
В колодезь золотое ведро.
С земли на незримую сушу
Отчалить и мне суждено.
Я сам положу мою душу
На это горящее дно.
Но знаю – другими очами
Умершие чуют живых.
О, дай нам с земными ключами
Предстать у ворот золотых.
Дай с нашей овсяною волей
Засовы чугунные сбить,
С разбега по ровному полю
Заре на закорки вскочить.

Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.
Нам горьким стало молоко
Под этой ветхой кровлей.
Пролей, пролей нам над водой
Твое глухое ржанье
И колокольчиком-звездой
Холодное сиянье.
Мы радугу тебе – дугой,
Полярный круг – на сбрую.
О, вывези наш шар земной
На колею иную.
Хвостом земле ты прицепись,
С зари отчалься гривой.
За эти тучи, эту высь
Скачи к стране счастливой.
И пусть они, те, кто во мгле
Нас пьют лампадой в небе,
Увидят со своих полей,
Что мы к ним в гости едем.

Февраль 1919

«**Душа грустит о небесах...»**»

*Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилища.
Люблю, когда на деревьях
Огонь зеленый шевелится.
То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплются пред тай-
ной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.
Понятен мне земли глагол,
Но не стряхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.
Так кони не стряхнут хвостами
В хребты их пьющую луну...
О, если б прорасти глазами,
Как эти листья, в глубину.*

«Устал я жить в родном краю...»

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневým просторам,
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вóром.
Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.
Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,
И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.
И вновь вернусь я в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.
Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И необмытого меня
Под лай собачий похоронят.
А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам,
И Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

«О Боже, Боже, эта глубь...»

*О Боже, Боже, эта глубь –
Твой голубой живот.
Златое солнышко, как пуп,
Глядит в Каспийский рот.
Крючками звезд свивая в нить
Лучи, ты ловишь нас
И вершами бросаешь дни
В зрачки озерных глаз.
Но в малый вентерь рыбаля
Не заплывает сом.
Не втащит неводом заря
Меня в твой тихий дом.
Сойди на землю без порток,
Взбурли всю хлябь и водь.
Смолой кипящею восток
Пролей на нашу плоть.
Да опалят уста огня
Людскую страсть и стыд.
Внеси, как голубя, меня
В твой в синих рощах скит.*

«Я покинул родимый дом...»

*Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.
Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.
Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.
И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьям целует дождь,
Оттого что тот старый клен
Головой на меня похож.*

«Хорошо под осеннюю свежесть...»

*Хорошо под осеннюю свежесть
Душу-яблоню ветром стряхать
И смотреть, как над речкою ре-
жет
Воду синюю солнца соха.
Хорошо выбивать из тела
Накаляющий песни гвоздь.
И в одежде празднично белой
Ждать, когда постучится гость.
Я учусь, я учусь моим сердцем
Цвет черемух в глазах беречь,
Только в скупости чувства гре-
ются,
Когда ребра ломает течь.
Молча ухает звездная звонница,
Что ни лист, то свеча заре.
Никого не впущу я в горницу,
Никому не открою дверь.*

Песнь о собаке

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых ощенила сука,
Рыжих семерых щенят.
До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.
А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.
По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.
А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.
В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.
И глухо, как от подачи,

Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

«Закружилась листва золотая...»

Закружилась листва золотая
В розоватой воде на пруду,
Словно бабочек легкая стая
С замираньем летит на звезду.
Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол.
Отрок-ветер по самые плечи
Заголил на березке подол.
И в душе и в долине прохлада,
Синий сумрак, как стадо овец,
За калиткою смолкшего сада
Прозвенит и замрет бубенец.
Я еще никогда бережливо
Так не слушал разумную плоть,
Хорошо бы, как ветками ива,
Опрокинуться в розовость вод.
Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать...
Где ты, где, моя тихая радость –
Все любя, ничего не желать?

«Теперь любовь моя не та...»

Клюеву

*Теперь любовь моя не та.
Ах, знаю я, ты тужишь, тужишь
О том, что лунная метла
Стихов не расплескала лужи.
Грустя и радуясь звезде,
Спадающей тебе на брови,
Ты сердце выпеснил избе,
Но в сердце дома не построил.
И тот, кого ты ждал в ночи,
Прошел, как прежде, мимо крова.
О друг, кому ж твои ключи
Ты золотил поющим словом?
Тебе о солнце не пропеть,
В окошко не увидетъ рая.
Так мельница, крылом махая,
С земли не может улететь.*

«По-осеннему кычет сова...»

По-осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани.
Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вянет.
Полевое, степное «ку-гу»,
Здравствуй, мать голубая осина!
Скоро месяц, купаясь в снегу,
Сядет в редкие кудри сына.
Скоро мне без листвы холодеть,
Звоном звезд насыпая уши.
Без меня будут юноши петь,
Не меня будут старцы слушать.
Новый с поля придет поэт,
В новом лес огласится свисте.
По-осеннему сыплет ветер,
По-осеннему шепчут листья.

Кобыльи корабли

Если волк на звезду завыл,
Значит, небо тучами изглодано.
Рваные животы кобыл,
Черные паруса воронов.
Не просунет когтей лазурь
Из пургового кашля-смирада;
Облетает под ржанье бурь
Черепов златохвойный сад.
Слышите ль? Слышите звонкий
стук?
Это грабли зари по пущам.
Веслами отрубленных рук
Вы гребетесь в страну грядущего.
Плывите, плывите в высь!
Лейте с радуги крик вороний!
Скоро белое дерево сронит
Головы моей желтый лист.

Поле, поле, кого ты зовешь?
Или снится мне сон веселый –
Синей конницей скачет рожь,
Обгоняя леса и села?
Нет, не рожь! скачет по полю
стужа,
Окна выбиты, настезь двери.

Даже солнце мерзнет, как лужа,
Которую напрудил мерин.
Кто это? Русь моя, кто ты? кто?
Чей черпак в снегов твоих накопль?
На дорогах голодным ртом
Сосут край зари собаки.
Им не нужно бежать в «туда» –
Здесь, с людьми бы теплей
ужиться.
Бог ребенка волчице дал,
Человек съел дитя волчицы.

О, кого же, кого же петь
В этом бешеном зареве трупов?
Посмотрите: у женищин третий
Вылупляется глаз из пупа.
Вот он! Вылез, глядит луной,
Не увидит ли помясистой кости.
Видно, в смех над самим собой
Пел я песнь о чудесной гостье.
Где же те? где еще одиннадцать,
Что светильники сисек жгут?
Если хочешь, поэт, жениться,
Так женись на овце в хлеву.
Причащайся соломой и шерстью,
Тепли песней словесный воск.
Злой октябрь осыпает перстни
С коричневых рук берез.

Звери, звери, приходите ко мне,
В чашки рук моих злобу выпла-
кать!

Не пора ль перестать луне
В небесах облака лакать?

Сестры-суки и братья-кобели,
Я, как вы, у людей в загоне.

Не нужны мне кобыл корабли
И паруса вороны.

Если голод с разрушенных стен
Вцепится в мои волосы, –

Половину ноги моей сам съем,
Половину отдам вам высасывать.

Никуда не пойду с людьми,

Лучше вместе издохнуть с вами,

Чем с любимой поднять земли

В сумасшедшего ближнего ка-
мень.

Буду петь, буду петь, буду петь!

Не обижу ни козы, ни зайца.

Если можно о чем скорбеть,

Значит, можно чему улыбаться.

Все мы яблоко радости носим,

И разбойный нам близок свист.

Срежет мудрый садовник осень

Головы моей желтый лист.

В сад зари лишь одна стезя,

Сгложет рощи октябрьский ветер.
Все познать, ничего не взять
Пришел в этот мир поэт.
Он пришел целовать коров,
Слушать сердцем овсяный хруст.
Глубже, глубже, серпы стихов!
Сыпь черемухой, солнце-куст!

Сентябрь 1919

Москва кабацкая (1924)

Стихи как вступление к Москве кабацкой

«Все живое особой метой...»

*Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом,
То, наверно, был мошенник и вор.
Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.
И навстречу испуганной маме
Я цедил сквозь кровавый рот:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет».
И теперь вот, когда простыла
Этих дней кипячковая вязь,
Беспокойная, дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.
Золотая словесная груда,
И над каждой строкой без конца
Отражается прежняя удаль
Забияки и сорванца.
Как тогда, я отважный и гордый,*

Только новью мой брызжет шаг...
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.
И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет!»

Февраль 1922

«Сторона ль ты моя, сторона!..»

Сторона ль ты моя, сторона!
Дождевое, осеннее олово.
В черной луже продрогший фонарь
Отражает беззубую голову.
Нет, уж лучше мне не смотреть,
Чтобы вдруг не увидеть хужего.
Я на всю эту ржавую мреть
Буду щурить глаза и суживать.
Так немного теплей и безбольней.
Посмотри: меж скелетов домов,
Словно мельник, несет колокольня
Медные мешки колоколов.
Если голоден ты – будешь сытым.
Коль несчастен – то весел и рад.
Только лишь не гляди открыто,
Мой земной неизвестный брат.

Как подумал я – так и сделал,
Но увы! Все одно и то ж!
Видно, слишком привыкло тело
Ощущать эту стужу и дрожь.
Ну, да что же? Ведь много про-
чих,
Не один я в миру живой!
А фонарь то мигнет, то захохо-
чет
Беззубой своей головой.
Только сердце под ветхой одеж-
дой
Шепчет мне, посетившему
твердь:
«Друг мой, друг мой, прозревшие
вежды
Закрывает одна лишь смерть».

**«Мир таинственный, мир мой
древний...»**

Мир таинственный, мир мой
древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.
Так испуганно в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть...
Здравствуй ты, моя черная ги-

бель,
Я навстречу к тебе выхожу!
Город, город! ты в схватке жестокой
Окрестил нас как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами давясь.
Жилист мускул у дьявольской
выи,
И легка ей чугунная гать.
Ну, да что же? Ведь нам не впервые
И расшатываться и пропадать.
Пусть для сердца тягуче колко,
Это песня звериных прав!..
...Так охотники травят волка,
Зажимая в тиски облав.
Зверь припал... и из пасмурных
недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуногого
недруга
Раздирают на части клыки.
О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром даешься ножу.
Как и ты – я, отвсюду гонимый,
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты, я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний, смертельный
прыжок.
И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зарююсь в снегу...
Все же песню отмщенья за гибель
Пропеют мне на том берегу.

1921

**«Мир таинственный, мир мой
древний...»**

Не ругайтесь. Такое дело!
Не торговец я на слова.
Запрокинулась и отяжелела
Золотая моя голова.
Нет любви ни к деревне, ни к горо-
ду,
Как же смог я ее донести?
Брошу все. Отпущу себе бороду
И бродягой пойду по Руси.
Позабуду поэмы и книги,
Перекину за плечи суму,
Оттого что в полях забулдыге
Ветер больше поет, чем кому.
Провоняю я редькой и луком
И, тревожа вечернюю гладь,

*Буду громко сморкаться в руку
И во всем дурака валять.
И не нужно мне лучшей удачи,
Лишь забыться и слушать пургу,
Оттого что без этих чудачеств
Я прожить на земле не могу.*

Москва кабацкая

«Я обманывать себя не стану»

*Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце мгл-
стом.
Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?
Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по
темницам.
Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.
Я московский, озорной гуляка.
По всему тверскому околотку
В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку.
Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хороший,
Каждый стих мой душу зверя ле-*

чит.

Я хожу в цилиндре не для женщин –

В глупой страсти сердце жить не в силе, –

В нем удобней, грусть свою уменьшив,

Золото овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не имею,

Я иному покорился царству.

Каждому здесь кобелю на шею

Я готов отдать мой лучший галстук.

И теперь уж я болеть не стану.

Прояснилась омутъ в сердце мглистом.

Оттого прослыл я шарлатаном,

Оттого прослыл я скандалистом.

«Да! Теперь решено. Без возврата...»

Да! Теперь решено. Без возврата

Я покинул родные поля.

Уж не будут листвою крылатой

Надо мною звенеть тополя.

Низкий дом без меня ссутулится,

Старый пес мой давно издох.

На московских изогнутых улицах

Умереть, знать, судил мне Бог.
Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.
А когда ночью светит месяц,
Когда светит... черт знает как!
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.
Шум и гам в этом логове жут-
ком,
Но всю ночь напролет, до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.
Сердце бьется все чаще и чаще,
И уж я говорю невпопад:
«Я такой же, как вы, пропащий,
Мне теперь не уйти назад».
Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне Бог.

1922

«Снова пьют здесь, дерутся и плачут...»

Снова пьют здесь, дерутся и пла-
чут
Под гармоники желтую грусть.

Проклинают свои неудачи,
Вспоминают московскую Русь.
И я сам, опустясь головою,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть в лицо роковое,
Чтоб подумать хоть миг об
ином.

Что-то всеми навек утрачено.
Май мой синий! Июнь голубой!
Не с того ль так чадит мертвя-
чиной

Над пропащею этой гульбой.
Ах, сегодня так весело россам,
Самогонного спирта – река.
Гармонист с провалившимся но-
сом

Им про Волгу поет и про Чека.
Что-то злое во взорах безумных,
Непокорное в громких речах.
Жалко им тех дурашливых, юных,
Что сгубили свою жизнь сгоряча.
Жалко им, что октябрь суровый
Обманул их в своей пурге.

И уж удалью точится новый
Крепко спрятанный нож в сапоге.
Где ж вы те, что ушли далече?
Ярко ль светят вам наши лучи?
Гармонист спиртом сифилис ле-

чит,
Что в киргизских степях получил.
Нет! таких не подмять, не рассе-
ять,
Бесшабашность им гнилью дана.
Ты, Рассея моя... Рас... сея...
Азиатская сторона!

1922

«Эта улица мне знакома...»

Эта улица мне знакома,
И знаком этот низенький дом.
Проводов голубая солома
Опрокинулась над окном.
Были годы тяжелых бедствий,
Годы буйных, безумных сил.
Вспомнил я деревенское детство,
Вспомнил я деревенскую синь.
Не искал я ни славы, ни покоя,
Я с тщетой этой славы знаком.
А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом.
Вижу сад в голубых накрапах,
Тихо август прилег ко плетню,
Держат липы в зеленых лапах
Птичий гомон и щебетню.
Я любил этот дом деревянный,
В бревнах теплилась грозная

морщъ,
Наша печь как-то дико и странно
Завывала в дождливую ночь.
Голос громкий и всхлипень зыч-
ный,
Как о ком-то погибшем, живом.
Что он видел, верблюды кирпич-
ный,
В завывании дождевом?
Видно, видел он дальние страны,
Сон другой и цветущей поры,
Золотые пески Афганистана
И стеклянную хмарь Бухары.
Ах, и я эти страны знаю –
Сам немалый прошел там путь.
Только ближе к родимому краю
Мне б хотелось теперь повер-
нуть.
Но угасла та нежная дрема,
Все истлело в дыму голубом.
Мир тебе – полевая солома,
Мир тебе – деревянный дом!

Любовь хулигана

«Заметался пожар голубой...»

*Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь сканда-
лить.*

*Был я весь – как запущенный сад,
Был на женищин и зелие падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без огляд-
ки.*

*Мне бы только смотреть на те-
бя,*

*Видеть глаз злато-карий омут,
И чтоб, прошлое не любя,*

Ты уйти не смогла к другому.

*Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем упор-
ным,*

*Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.*

Я б навеки забыл кабаки

И стихи бы писать забросил,

Только б тонко касаться руки

И волос твоих цветом в осень.

*Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь сканда-
лить.*

«Ты такая ж простая, как все...»

*Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.
Знаешь ты одинокий рассвет,
Знаешь холод осени синий.
По-смешному я сердцем влип,
Я по-глупому мысли занял.
Твой иконный и строгий лик
По часовням висел в рязанях.
Я на эти иконы плевал,
Чтил я грубость и крик в повесе,
А теперь вдруг растут слова
Самых нежных и кротких песен.
Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так имя твое звенит,
Словно августовская прохлада?
Я не нищий, ни жалок, ни мал
И умею расслышать за пылом:
С детства нравиться я понимал
Кобелям да степным кобылам.
Потому и себя не сберег*

Для тебя, для нее и для этой.
Невеселого счастья залог –
Сумасшедшее сердце поэта.
Потому и грущу, осев,
Словно в листья, в глаза косые...
Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.

«Пускай ты выпита другим...»

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.
О, возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.
Я сердцем никогда не лгу.
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.
Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце напилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.
И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал

Его приход неприветливый.
Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными – кладбища и хаты.
Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли, где-то
ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.
Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

«Дорогая, сядем рядом...»

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.
Это золото осеннее,
Эта прядь волос белесых –
Все явилось, как спасенье
Беспокойного повесы.
Я давно мой край оставил,
Где цветут луга и чащи.
В городской и горькой славе
Я хотел прожить пропащим.

Я хотел, чтоб сердце глуше
Вспоминало сад и лето,
Где под музыку лягушек
Я растил себя поэтом.
Там теперь такая ж осень...
Клен и липы, в окна комнат
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят.
Их давно уж нет на свете.
Месяц на простом погосте
На крестах лучами метит,
Что и мы придем к ним в гости,
Что и мы, отжив тревоги,
Перейдем под эти кущи.
Все волнистые дороги
Только радость льют живущим.
Дорогая, сядь же рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

«Мне грустно на тебя смотреть...»

Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой оста-
лась.
Чужие губы разнесли

Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души, немного омертвелой.
Ну что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего,
Как только желтый тлен и сырость.
Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.
Смешная жизнь, смешной разлад.
Так было и так будет после.
Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости.
Вот так же отцветем и мы
И отшумим, как гости сада...
Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.

«Ты прохладой меня не мучай...»

Ты прохладой меня не мучай
И не спрашивай, сколько мне лет,
Одержимый тяжелой падучей,
Я душой стал, как желтый скелет.
Было время, когда из предместья

Я мечтал по-мальчишески – в
дым,
Что я буду богат и известен
И что всеми я буду любим.
Да! Богат я, богат с излишком.
Был цилиндр, а теперь его нет.
Лишь осталась одна манишка
С модной парой избитых штиб-
лет.
И известность моя не хуже, –
От Москвы по парижскую рвань
Мое имя наводит ужас,
Как заборная, громкая брань.
И любовь, не забавное ль дело?
Ты целуешь, а губы как жесть.
Знаю, чувство мое перезрело,
А твое не сумеет расцвести.
Мне пока горевать еще рано,
Ну, а если есть грусть – не беда!
Золотей твоих кос по курганам
Молодая шумит лебеда.
Я хотел бы опять в ту мест-
ность,
Чтоб под шум молодой лебеды
Утонуть навсегда в неизвест-
ность
И мечтать по-мальчишески – в
дым.

Но мечтать о другом, о новом,
Непонятном земле и траве,
Что не выразить сердцу словом
И не знает назвать человек.

«Вечер черные брови насопил...»

Вечер черные брови насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?
Не храпи, запоздалая тройка!
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Упокоит меня навсегда.
Может, завтра совсем по-друго-
му
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.
Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя.
Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, с другой,
Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.
Расскажу, как текла былая

Наша жизнь, что былой не была...
Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела?

«Не жалею, не зову, не плачу...»

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь
дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.
Ты теперь не так уж будешь
биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.
Дух бродяжий, ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.
Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась
мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.
Все мы, все мы в этом мире тлен-
ны,
Тихо льется с кленов листьев
медь...

*Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть.*

1921

Страна советская (1925)

Возвращение на родину

*Я посетил родимые места,
Ту сельщину,
Где жил мальчишкой,
Где каланчой с березовою вышкой
Взметнулась колокольня без креста.
Как много изменилось там,
В их бедном, неприглядном быте.
Какое множество открытий
За мною следовало по пятам.
Отцовский дом
Не мог я распознать:
Приметный клен уж под окном
не машет,
И на крыльчке не сидит уж мать,
Кормя цыплят крупитчатую кашей.
Стара, должно быть, стала...
Да, стара.
Я с грустью озираюсь на окрестность:
Какая незнакомая мне местность!*

Одна, как прежняя, белеется гора,
Да у горы
Высокий серый камень.
Здесь кладбище!
Подгнившие кресты,
Как будто в рукопашной мертве-
цы
Застыли с распростертыми рука-
ми.
По тропке, опершись на подожок,
Идет старик, сметая пыль с бу-
рьяна.
«Прохожий!
Укажи, дружок,
Где тут живет Есенина Татья-
на?»
«Татьяна... Гм...
Да вон за той избой.
А ты ей что?
Сродни?
Аль, может, сын пропащий?»
«Да, сын.
Но что, старик, с тобой?
Скажи мне,
Отчего ты так глядишь скорбя-
ще?»
«Добро, мой внук,
Добро, что не узнал ты деда!..»

«Ах, дедушка, ужели это ты?»
И полилась печальная беседа
Слезами теплыми на пыльные
цветы.

.....
«Тебе, пожалуй, скоро будет
тридцать...
А мне уж девяносто...
Скоро в гроб.
Давно пора бы было воротиться».
Он говорит, а сам все морщит
лоб.
«Да!.. Время!..
Ты не коммунист?»
«Нет!..»
«А сестры стали комсомолки.
Такая гадость! Просто удавись!
Вчера иконы выбросили с полки,
На церкви комиссар снял крест.
Теперь и Богу негде помолиться.
Уж я хожу украдкой нынче в лес,
Молюсь осинам...
Может, пригодится...
Пойдем домой –
Ты все увидишь сам».
И мы идем, топча межой куколь-
ни.
Я улыбаюсь пашням и лесам,

А дед с тоской глядит на колокольню.

.....

.....

«Здорово, мать! Здорово!» –
И я опять тяну к глазам платок.
Тут разрыдаться может и корова,
Глядя на этот бедный уголок.
На стенке календарный Ленин.
Здесь жизнь сестер,
Сестер, а не моя, –
Но все ж готов упасть я на колени,
Увидев вас, любимые края.
Пришли соседи...
Женщина с ребенком.
Уже никто меня не узнает.
По-байроновски наша собачонка
Меня встречала с лаем у ворот.
Ах, милый край!
Не тот ты стал,
Не тот.
Да уж и я, конечно, стал не прежний.
Чем мать и дед грустней и безнадежней,
Тем веселей сестры смеется рот.

Конечно, мне и Ленин не икона,
Я знаю мир...
Люблю мою семью...
Но отчего-то все-таки с покло-
ном
Сажусь на деревянную скамью.
«Ну, говори, сестра!»
И вот сестра разводит,
Раскрыв, как Библию, пузатый
«Капитал»,
О Марксе,
Энгельсе...
Ни при какой погоде
Я этих книг, конечно, не читал.
И мне смешно,
Как шустрая девчонка
Меня во всем за шиворот берет.
.....
.....
По-байроновски наша собачонка
Меня встречала с лаем у ворот.
1 июня 1924

Русь советская

А. Сахарову

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело.

На перекличке дружбы многих нет.

Я вновь вернулся в край осиротелый,

В котором не был восемь лет.

Кого позвать мне? С кем мне поделиться

Той грустной радостью, что я остался жив?

Здесь даже мельница – бревенчатая птица

С крылом единственным – стоит, глаза смежив.

Я никому здесь не знаком.

А те, что помнили, давно забыли.

И там, где был когда-то отчий дом,

Теперь лежит зола да слой дорожной пыли.

А жизнь кипит.

Вокруг меня снуют

И старые и молодые лица.
Но некому мне шляпой поклониться,
Ни в чьих глазах не нахожу приют.
И в голове моей проходят роем думы:
Что родина?
Ужели это сны?
Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый
Бог весть с какой далекой стороны.
И это я!
Я, гражданин села,
Которое лишь тем и будет знаменито,
Что здесь когда-то баба родила
Российского скандального пиита.
Но голос мысли сердцу говорит:
«Опомнись! Чем же ты обижен?
Ведь это только новый свет горит
Другого поколения у хижин.
Уже ты стал немного отцветать,
Другие юноши поют другие песни.
Они, пожалуй, будут интересней –

Уж не село, а вся земля им мать». Ах, родина! Какой я стал смешной.

На щеки впалые летит сухой румянец,
Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец.

Вот вижу я:
Воскресные сельчане
У волости, как в церковь, собрались.

Корявыми, нематыми речами
Они свою обсуживают «жись».
Уж вечер. Жидкой позолотой
Закат обрызгал серые поля.
И ноги босые, как телки под ворота,

Уткнули по канавам тополя.
Хромой красноармеец с ликом сонным,
В воспоминаниях морщина лоб,
Рассказывает важно о Буденном,
О том, как красные отбили Перекоп.

«Уж мы его – и этак и раз-этак, –
Буржуя этого... которого... в

Крыму...»

И клены морщатся ушами длин-
ных веток,

И бабы охают в немую полутьму.

С горы идет крестьянский комсо-
мол,

И под гармонику, наявивая рьяно,

Поют агитки Бедного Демьяна,

Веселым криком оглашая дол.

Вот так страна!

Какого ж я рожна

Орал в стихах, что я с народом
дружен?

Моя поэзия здесь больше не нуж-
на,

Да и, пожалуй, сам я тоже здесь
не нужен.

Ну что ж!

Прости, родной приют.

Чем сослужил тебе, и тем уж я
доволен,

Пускай меня сегодня не поют –

Я пел тогда, когда был край мой
болен.

Приемлю все.

Как есть все принимаю.

Готов идти по выбитым следам.

Отдам всю душу октябрю и маю,

Но только лиры милой не отдам.
Я не отдам ее в чужие руки,
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она свои вверя-
ла звуки
И песни нежные лишь только пе-
ла мне.
Цветите, юные! И здоровейте те-
лом!
У вас иная жизнь. У вас другой на-
пев.
А я пойду один к неведомым пре-
делам,
Душой бунтующей навеки присми-
рев.
Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, –
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

Русь бесприютная

Товарищи, сегодня в горе я,
Проснулась боль
В угасшем скандалисте!
Мне вспомнилась
Печальная история –
История об Оливере Твисте.
Мы все по-разному
Судьбой своей оплаканы.
Кто крепость знал,
Кому Сибирь знакома.
Знать, потому теперь
Попы и дьяконы
О здравье молятся
Всех членов Совнаркома.
И потому крестьянин
С водки штофа,
Рассказывая сродникам своим,
Глядит на Маркса,
Как на Саваофа,
Пуская Ленину
В глаза табачный дым.
Ирония судьбы!
Мы все острощены.
Над старым твердо
Вставлен крепкий кол.

Но все ж у нас
Монашеские общины
С «аминем» ставят
Каждый протокол.
И говорят,
Забыв о днях опасных:
«Уж как мы их...
Не в пух, а прямо в прах...
Пятнадцать штук я сам
Зарезал красных,
Да столько ж каждый,
Всякий наш монах».
Россия-мать!
Прости меня,
Прости!
Но эту дикость, подлую и злую,
Я на своем недлительном пути
Не приголублю
И не поцелую.
У них жилища есть,
У них есть хлеб,
Они с молитвами
И благостны и сыты.
Но есть на этой
Горестной земле,
Что всеми добрыми
И злыми позабыты.
Мальчишки лет семи-восьми

Снуют средь штатов без призора,
Бестельными корявыми костями
Они нам знак
Тяжелого укора.
Товарищи, сегодня в горе я,
Проснулась боль в угасшем скан-
далисте,
Мне вспомнилась
Печальная история –
История об Оливере Твисте.
Я тоже рос,
Несчастный и худой,
Средь жидких,
Тягостных рассветов.
Но если б встали все
Мальчишки чередой,
То были б тысячи
Прекраснейших поэтов.
В них Пушкин,
Лермонтов,
Кольцов,
И наш Некрасов в них,
В них я.
В них даже Троцкий,
Ленин и Бухарин.
Не потому ль моею грустью
Веет стих,
Глядя на их

Невымытые хари.
Я знаю будущее.
Это их...
Их календарь...
И вся земная слава.
Не потому ль
Мой горький буйный стих
Для всех других
Как смертная отрава.
Я только им пою,
Ночующим в котлах,
Пою для них,
Кто спит порой в сортире.
О, пусть они
Хотя б прочтут в стихах,
Что есть за них
Обиженные в мире.

Русь уходящая

Мы многое еще не сознаем,
Питомцы ленинской победы,
И песни новые
По-старому поем,
Как нас учили бабушки и деды.
Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении веселом!
Знать, оттого так хочется и
мне,
Здрав штаны,
Бежать за комсомолом.
Я уходящих в грусти не виню,
Ну где же старикам
За юношами гнаться?
Они несжатой рожью на корню
Остались догнивать и осыпаться.
И я, я сам,
Не молодой, не старьей,
Для времени навозом обречен.
Не потому ль кабацкий звон ги-
тары
Мне навевает сладкий сон?
Гитара милая,
Звени, звени!

Сыграй, цыганка, что-нибудь та-
кое,

Чтоб я забыл отравленные дни,
Не знавшие ни ласки, ни покоя.

Советскую я власть виню,
И потому я на нее в обиде,
Что юность светлую мою
В борьбе других я не увидел.
Что видел я?

Я видел только бой

Да вместо песен
Слышал канонаду.

Не потому ли с желтой головой
Я по планете бегал до упаду?

Но все ж я счастлив.

В сонме бурь

Неповторимые я вынес впечатле-
нья.

Вихрь нарядил мою судьбу
В золототканое цветенье.

Я человек не новый!

Что скрывать?

Остался в прошлом я одной но-
гою,

Стремясь догнать стальную
рать,

Скольжу и падаю другою.

Но есть иные люди.

Те
Еще несчастней и забытей.
Они, как отрубь в решете,
Средь непонятных им событий.
Я знаю их
И подсмотрел:
Глаза печальнее коровьих.
Средь человеческих мирных дел,
Как пруд, заплесневела кровь их.
Кто бросит камень в этот пруд?
Не троньте!
Будет запах смрада.
Они в самих себе умрут,
Истлеют падью листопада.
А есть другие люди,
Те, что верят,
Что тянут в будущее робкий
взгляд.
Почесывая зад и перед,
Они о новой жизни говорят.
Я слушаю. Я в памяти смотрю,
О чем крестьянская судачит
оголь.
«С Советской властью жить нам
по нутрю...
Теперь бы ситцу... Да гвоздей
немного...»
Как мало надо этим брадачам,

Чья жизнь в сплошном
Картофеле и хлебе.
Чего же я ругаюсь по ночам
На неудачный, горький жребий?
Я тем завидую,
Кто жизнь провел в бою,
Кто защищал великую идею.
А я, сгубивший молодость свою,
Воспоминаний даже не имею.
Какой скандал!
Какой большой скандал!
Я очутился в узком промежутке.
Ведь я мог дать
Не то, что дал,
Что мне давалось ради шутки.
Гитара милая,
Звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь та-
кое,
Чтоб я забыл отравленные дни,
Не знавшие ни ласки, ни покоя.
Я знаю, грусть не утопить в вине,
Не вылечить души
Пустыней и отколом.
Знать, оттого так хочется и
мне,
Задрав штаны,
Бежать за комсомолом.

2 ноября 1924

На Кавказе

*Издревле русский наш Парнас
Тянула к незнакомым странам,
И больше всех лишь ты, Кавказ,
Звенел загадочным туманом.
Здесь Пушкин в чувственном огне
Слагал душой своей опальной:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».
И Лермонтов, тоску леча,
Нам рассказал про Азамата,
Как он за лошадь Казбича
Давал сестру заместо злата.
За грусть и желчь в своем лице
Кипенья желтых рек достоин,
Он, как поэт и офицер,
Был пулей друга успокоен.
И Грибоедов здесь зарыт,
Как наша дань персидской хмари,
В подножии большой горы
Он спит под плач зурны и тари.
А ныне я в твою безгладь
Пришел, не ведая причины:
Родной ли прах здесь обрыдать
Иль подсмотреть свой час кончи-*

ны!

Мне все равно! Я полон дум
О них, ушедших и великих.
Их исцелял гортанный шум
Твоих долин и речек диких.
Они бежали от врагов
И от друзей сюда бежали,
Чтоб только слышать звон ша-
гов
Да видеть с гор глухие дали.
И я от тех же зол и бед
Бежал, навек простясь с богемой,
Зане созрел во мне поэт
С большой эпической темой.
Мне мил стихов российский жар.
Есть Маяковский, есть и кроме,
Но он, их главный штабс-маляр,
Поет о пробках в Моссельпроме.
И Клюев, ладожский дьячок,
Его стихи как телогрейка,
Но я их вслух вчера прочел –
И в клетке сдохла канарейка.
Других уж нечего считать,
Они под хладным солнцем зреют.
Бумаги даже замарать,
И то, как надо, не умеют.
Прости, Кавказ, что я о них
Тебе промолвил ненароком,

Ты научи мой русский стих
Кизиловым струиться соком.
Чтоб, воротясь опять в Москву,
Я мог прекраснейшей поэмой
Забить ненужную тоску
И не дружить вовек с богемой.
И чтоб одно в моей стране
Я мог твердить в свой час про-
щальный:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».

Сентябрь 1924
Тифлис

Поэтам Грузии

Писали раньше
Ямбом и октавой.
Классическая форма
Умерла,
Но ныне, в век наш
Величавый,
Я вновь ей вздернул
Удила.
Земля далекая!
Чужая сторона!
Грузинские кремнистые дороги.

Вино янтарное
В глаза струит луна,
В глаза глубокие,
Как голубые роги.
Поэты Грузии!
Я ныне вспомнил вас.
Приятный вечер вам,
Хороший, добрый час!
Товарищи по чувствам,
По перу,
Словесных рек кипение
И шорох,
Я вас люблю,
Как шумную Куру,
Люблю в пирах и в разговорах.
Я – северный ваш друг
И брат!
Поэты – все единой крови.
И сам я тоже азиат
В поступках, в помыслах
И слове.
И потому в чужой
Стране
Вы близки
И приятны мне.
Века всё смелют,
Дни пройдут,
Людская речь

В один язык сольется.
Историк, сочиняя труд,
Над нашей рознью улыбнется.
Он скажет:
В пропасти времен
Есть изысканья и приметы...
Дрались сонмища племен,
Зато не ссорились поэты.
Свидетельствует
Вещий знак:
Поэт поэту
Есть кунак.
Самодержавный
Русский гнет
Сжимал все лучшее за горло,
Его мы кончили –
И вот
Свобода крылья распростерла.
И каждый в племени своем,
Своим мотивом и наречьем,
Мы всяк
По-своему поем,
Поддавшись чувствам
Человечьим...
Свершился дивный
Рок судьбы:
Уже мы больше
Не рабы.

*Поэты Грузии,
Я ныне вспомнил вас,
Приятный вечер вам,
Хороший, добрый час!..
Товарищи по чувствам,
По перу,
Словесных рек кипение
И шорох,
Я вас люблю,
Как шумную Куру,
Люблю в пирах и в разговорах.*

Баллада о двадцати шести

С любовью – прекрасному художнику
Г. Якулову

*Пой песню, поэт,
Пой.
Ситец неба такой
Голубой.
Море тоже рокошет
Песнь.
Их было
26.
26 их было,
26.
Их могилы пескам*

Не занестъ.
Не забудет никто
Их расстрел
На 207-й
Версте.
Там за морем гуляет
Туман.
Видишь, встал из песка
Шаумян.
Над пустыней костлявый
Стук.
Вон еще 50
Рук
Вылезают, стирая
Плесень.
26 их было,
26.
Кто с прострелом в груди,
Кто в боку,
Говорят:
«Нам пора в Баку –
Мы посмотрим,
Пока есть туман,
Как живет
Азербайджан».

.....

.....

Ночь, как дыню,

Катит луну.
Море в берег
Струит волну.
Вот в такую же ночь
И туман
Расстрелял их
Отряд англичан.
Коммунизм –
Знамя всех свобод.
Ураганом вскипел
Народ.
На империю встали
В ряд
И крестьянин
И пролетарьят.
Там, в России,
Дворянский бич
Был наш строгий отец
Ильич.
А на Востоке
Здесь
Их было
26.
Все помнят, конечно,
Тот,
18-й, несчастный
Год.
Тогда буржуа

Всех стран
Обстреливали
Азербайджан.
Тяжел был Коммуне
Удар.
Не вынес сей край
И пал,
Но жутче всем было
Весть
Услышать
Про 26.
В пески, что как плавленый
Воск,
Свезли их
За Красноводск.
И кто саблей,
Кто пулей в бок,
Всех сложили на желтый
Песок.
26 их было,
26.
Их могилы пескам
Не занестъ.
Не забудет никто
Их расстрел
На 207-й
Версте.
Там за морем гуляет

Туман.
Видишь, встал из песка
Шаумян.
Над пустыней костлявый
Стук.
Вон еще 50
Рук
Вылезают, стирая
Плесень.
26 их было,
26.

.....
Ночь как будто сегодня
Бледней.
Над Баку
26 теней.
Теней этих
26.
О них наша боль
И песнь.
То не ветер шумит,
Не туман.
Слышишь, как говорит
Шаумян:
«Джапаридзе,
Иль я ослеп,
Посмотри:
У рабочих хлеб.

Нефть – как черная
Кровь земли.
Паровозы кругом...
Корабли...
И во все корабли,
В поезда
Вбита красная наша
Звезда».
Джапаридзе в ответ:
«Да, есть.
Это очень приятная
Весть.
Значит, крепко рабочий
Класс
Держит в цепких руках
Кавказ.
Ночь, как дыню,
Катит луну.
Море в берег
Струит волну.
Вот в такую же ночь
И туман
Расстрелял нас
Отряд англичан».
Коммунизм –
Знамя всех свобод.
Ураганом вскипел
Народ.

На империю встали
В ряд
И крестьянин
И пролетарьят.
Там, в России,
Дворянский бич
Был наш строгий отец
Ильич.
А на Востоке
Здесь
26 их было,
26.

.....
Свет небес все синей
И синей.
Молкнет говор
Дорогих теней.
Кто в висок прострелен,
А кто в грудь.
К Ахч-Куиме
Их обратный путь...
Пой, поэт, песню,
Пой.
Синец неба такой
Голубой...
Море тоже рокочет
Песнь –
26 их было,

26.

Сентябрь 1924
Баку

Письмо к женщине

*Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.
Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел –
Катиться дальше, вниз.
Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был, как лошадь, загнанная в*

мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.
Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму –
Куда несет нас рок событий.
Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится на расстоянье.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянье.
Земля – корабль!
Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гущу бурь и вьюг
Ее направил величаво.
Ну кто ж из нас на палубе больш-
шой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.
Тогда и я,
Под дикий шум,
Незрело знающий работу,
Спустился в корабельный трюм,
Чтоб не смотреть людскую рво-
ту.

Тот трюм был –
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.
Любимая!
Я мучил вас,
У вас была тоска
В глазах усталых:
Что я пред вами напоказ
Себя растрачивал в скандалах.
Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несет нас рок событий...

.....
Теперь года прошли.
Я в возрасте ином.
И чувствую и мыслю по-иному.
И говорю за праздничным вином:
Хвала и слава рулевому!
Сегодня я
В ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную уста-
лость.

И вот теперь
Я сообщить вам мчусь,
Каков я был
И что со мною случилось!
Любимая!
Сказать приятно мне:
Я избежал паденья с кручи.
Теперь в Советской стороне
Я самый яростный попутчик.
Я стал не тем,
Кем был тогда.
Не мучил бы я вас,
Как это было раньше.
За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ла-Манша.
Простите мне...
Я знаю: вы не та –
Живете вы
С серьезным, умным мужем;
Что не нужна вам наша маета,
И сам я вам
Ни капельки не нужен.
Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда

Знакомый ваш
Сергей Есенин.

Страна негодяев

Отрывки из драматической поэмы

Рассветов

Чем больше гляжу я на снеж-
ную ширь,
Тем думаю все упорнее.
Черт возьми!
Да ведь наша Сибирь
Богаче, чем желтая Калифорния.
С этими запасами руды
Нам не страшна никакая
Мировая блокада.
Только работай! Только трудись!
И в республике будет,
Что кому надо.
Можно ль представить,
Что в месяц один
Открыли пять золотоносных
жил.
В Америке это было бы сенсацией,
На бирже стоял бы рев.
Маклера бы скупали акции,
Выдавая 1 пуд за 6 пудов.

Я работал в клондайкских приис-
ках,
Где один нью-йоркский туз
За 3 миллиона без всякого риска
12 1/2 положил в картуз.
А дело все было под шепот,
Просто биржевой трюк,
Но многие, денежки вхлопав,
Остались почти без брюк.
О! Эти американцы...
Они – неуничтожимая моль.
Сегодня он в оборванцах,
А завтра золотой король.
Так было и здесь...
Самый простой прощелыга,
Из индианских мест,
Жил, по-козлиному прыгал
И вдруг в богачи пролез.
Я помню все штуки эти.
Мы жили в ночлежках с ним.
Он звал меня мистер Развети,
А я его – мистер Джим.
«Послушай, – сказал он, – plis[1],
Ведь это не написано в брамах,
Чтобы без wiski и miss
Мы валялись с тобою в ямах.
У меня в животе лягушки
Завелись от голодных дум.

Я хочу хорошо кушать
И носить хороший костюм.
Есть одна у меня затея,
И если ты не болван,
То без всяких словес, не потея,
Согласишься на этот план.
Нам нечего очень стараться,
Чтоб расходовать жизненный
сок.

Я знаю двух-трех мерзавцев,
У которых золотой песок.
Они нам отыщут банкира
(Т. е. мерзавцы эти),
И мы будем королями мира...
Ты понял, мистер Развети?»
«Открой мне секрет, Джим!» –
Сказал я ему в ответ.
А он мне сквозь трубочный дым
Пробулькал:
«Секретов нет!
Мы просто возьмем два ружья,
Зарядим золотым песком
И будем туда стрелять,
Куда нам укажет Том».
(А Том этот был рудокоп.
Мошенник, каких поискать.)
И вот мы однажды тайком
В Клондайке.

Нас целая рать...
И по приказу, даденному
Под браунинги в висок,
Мы в четыре горы громадины
Золотой стреляли песок,
Как будто в слонов лежащих,
Чтоб достать дорогую кость.
И громом гремела в чащах
Ружей одичалая злость.
Наш предводитель живо
Шлет телеграмму потом:
«Открыли золотую жилу.
Приезжайте немедленно.
Том».

А дело было под шепот,
Просто биржевой трюк...
Но многие, денежки вхлопав,
Остались почти без брюк.

Чарин

Послушай, Рассветов! и что же,
Тебя не смутил обман?

Рассветов

Не все ли равно,
К какой рожке
Капиталы текут в карман.
Мне противны и те и эти.

Все они –
Класс грабительских банд.
Но должен же, друг мой, на свете
Жить Рассветов Никандр.

.....
Можно сказать перед всем светом,
Что в Америке золота нет.
Там есть соль,
Там есть нефть и уголь,
И железной много руды.
Кладоискателей вьюга
Замела золотые следы.
Калифорния – это мечта
Всех пропойц и неумных бродяг.
Тот, кто глуп или мыслить
устал,
Прозябает в ее краях.
Эти люди – гнилая рыба.
Вся Америка – жадная пасть,
Но Россия... вот это глыба...
Лишь бы только Советская
власть!..
Мы, конечно, во многом отстали.
Материк наш:
Лес, степь да вода.
Из железобетона и стали
Там настроены города.

Вместо наших глухих раздолгий,
Там, на каждой почти полосе,
Перерезано рельсами поле
С цепью каменных рек – шоссе.
И по каменным рекам без пыли,
И по рельсам без стопа шпал
И экспрессы и автомобили
От разбега в бензинном мыле
Мчат, секундой считая доллар,
Места нет здесь мечтам и химерам,
Отшумела тех лет пора.
Все курьеры, курьеры, курьеры,
Маклера, маклера, маклера.
От еврея и до китайца,
Проходимец и джентельмен,
Все в единой графе считаются
Одинаково – *bisnes men*[2],
На цилиндры, шапо и кепи
Дождик акций свистит и льет.
Вот где вам мировые цепи,
Вот где вам мировое жулье.
Если хочешь здесь душу выржать,
То сочтут: или глуп, или пьян.
Вот она – Мировая Биржа!
Вот они – подлецы всех стран.

Письмо от матери

Чего же мне
Еще теперь придумать,
О чем теперь
Еще мне написать?
Передо мной
На столике угрюмом
Лежит письмо,
Что мне прислала мать.
Она мне пишет:
«Если можешь ты,
То приезжай, голубчик,
К нам на святки.
Купи мне шаль,
Отцу купи порты,
У нас в дому
Большие недостатки.
Мне страх не нравится,
Что ты поэт,
Что ты сдружился
С славою плохой.
Гораздо лучше б
С малых лет
Ходил ты в поле за сохой.
Стара я стала
И совсем плоха,

Но если б дома
Был ты изначала,
То у меня
Была б теперь сноха
И на ноге
Внучонка я качала.
Но ты детей
По свету растерял,
Свою жену
Легко отдал другому,
И без семьи, без дружбы,
Без причал
Ты с головой
Ушел в кабацкий омут.
Любимый сын мой,
Что с тобой?
Ты был так кроток,
Был ты так смиренен.
И говорили все наперебой:
Какой счастливый
Александр Есенин!
В тебе надежды наши
Не сбылись,
И на душе
С того больней и горьше,
Что у отца
Была напрасной мысль,
Чтоб за стихи

Ты денег брал побольше.
Хоть сколько б ты
Ни брал,
Ты не пошлешь их в дом,
И потому так горько
Речи льются,
Что знаю я
На опыте твоём:
Поэтам деньги не даются.
Мне страх не нравится,
Что ты поэт,
Что ты сдружился
С славою плохую.
Гораздо лучше б
С малых лет
Ходил ты в поле за сохою.
Теперь сплошная грусть,
Живем мы, как во тьме,
У нас нет лошади.
Но если б был ты в доме,
То было б все,
И при твоём уме –
Пост председателя
В волисполкоме.
Тогда б жилось смелей,
Никто б нас не тянул,
И ты б не знал
Ненужную усталость,

Я б заставляла
Прясть
Твою жену,
А ты, как сын,
Покоил нашу старость».

.....
Я комкаю письмо,
Я погружаюсь в жуть.
Ужель нет выхода
В моем пути заветном?
Но все, что думаю,
Я после расскажу.
Я расскажу
В письме ответном...

Ответ

Старушка милая,
Живи, как ты живешь.
Я нежно чувствую
Твою любовь и память.
Но только ты
Ни капли не поймешь –
Чем я живу
И чем я в мире занят.
Теперь у вас зима.
И лунными ночами,
Я знаю, ты

Помыслишь не одна,
Как будто кто
Черемуху качает
И осыпает
Снегом у окна.
Родимая!
Ну как заснуть в метель?
В трубе так жалобно
И так протяжно стонет.
Захочешь лечь,
Но видишь не постель,
А узкий гроб
И – что тебя хоронят.
Как будто тысяча
Гнусавейших дьячков,
Поет она плакидой –
Сволочь-вьюга!
И снег ложится
Вроде пяточков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга!
Я более всего
Весну люблю.
Люблю разлив
Стремительным потоком,
Где каждой щепке,
Словно кораблю,
Такой простор,

Что не окинешь оком.
Но ту весну,
Которую люблю,
Я революцией великой
Называю!
И лишь о ней
Страдаю и скорблю,
Ее одну
Я жду и призываю!
Но эта пакость –
Хладная планета!
Ее и в триста солнц
не растопить!
Вот потому
С больной душой поэта
Пошел скандалить я,
Озорничать и пить.
Но время будет,
Милая, родная!
Она придет, желанная пора!
Недаром мы
Присели у орудий:
Тот сел у пушки,
Этот – у пера.
Забудь про деньги ты,
Забудь про все.
Какая гибель?!
Ты ли это, ты ли?

Ведь не корова я,
Не лошадь, не осел,
Чтобы меня
Из стойла выводили!
Я выйду сам,
Когда настанет срок,
Когда пальнутъ
Придется по планете,
И, воротясь,
Тебе куплю платок,
Ну, а отцу
Куплю я штуки эти.
Пока ж – идет метель,
И тысячей дьячков
Поет она плакидой –
Сволочь-вьюга.
И снег ложится
Вроде пяточков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга.

Стансы

Посвящается П. Чагину

*Я о своем таланте
Много знаю.
Стихи – не очень трудные дела.
Но более всего
Любовь к родному краю
Меня томила,
Мучила и жгла.
Стишок писнуть,
Пожалуй, всякий может –
О девушке, о звездах, о луне...
Но мне другое чувство
Сердце гложет,
Другие думы
Давят череп мне.
Хочу я быть певцом
И гражданином,
Чтоб каждому,
Как гордость и пример,
Был настоящим,
А не сводным сыном –
В великих штатах СССР.
Я из Москвы надолго убежал:
С милицией я ладить*

Не в сноровке,
За всякий мой пивной скандал
Они меня держали
В тигулевке.
Благодарю за дружбу граждан
сих,
Но очень жестко
Спать там на скамейке
И пьяным голосом
Читать какой-то стих
О клеточной судьбе
Несчастной канарейки.
Я вам не кенар!
Я поэт!
И не чета каким-то там Демья-
нам.
Пуškai бываю иногда я пьяным,
Зато в глазах моих
Прозрений дивных свет.
Я вижу все
И ясно понимаю,
Что эра новая –
Не фунт изюму вам,
Что имя Ленина
Шумит, как ветер, по краю,
Давая мыслям ход,
Как мельничным крылам.
Вертитесь, милые!

Для вас обещан прок.
Я вам племянник,
Вы же мне все дяди.
Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Понюхаем премудрость
Скучных строк.
Дни, как ручьи, бегут
В туманную реку.
Мелькают города,
Как буквы по бумаге.
Недавно был в Москве,
А нынче вот в Баку.
В стихию промыслов
Нас посвящает Чагин.
«Смотри, – он говорит, –
Не лучше ли церковей
Вот эти вышки
Черных нефть-фонтанов.
Довольно с нас мистических ту-
манов,
Воспой, поэт,
Что крепче и живей».
Нефть на воде,
Как одеяло перса,
И вечер по небу
Рассыпал звездный куль.
Но я готов поклясться

Чистым сердцем,
Что фонари
Прекрасней звезд в Баку.
Я полон дум об индустрийной мо-
щи,
Я слышу голос человеческих сил.
Довольно с нас
Небесных всех светил –
Нам на земле
Устроить это проще.
И, самого себя
По шее глядя,
Я говорю:
«Настал наш срок,
Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Чтоб разгадать
Премудрость скучных строк».

Письмо деду

Покинул я
Родимое жилище.
Голубчик! Дедушка!
Я вновь к тебе пишу...
У вас под окнами
Теперь метели свищут,
И в дымовой трубе
Протяжный вой и шум,
Как будто сто чертей
Залезло на чердак.
А ты всю ночь не спишь
И дрыгаешь ногою.
И хочется тебе
Накинуть свой пиджак,
Пойти туда,
Избить всех кочергою.
Наивность милая
Нетронутой души!
Недаром прадед
За овса три меры
Тебя к дьячку водил
В заброшенной глуши
Учить: «Достойно есть»
И с «Отче» «Символ веры».
Хорошего коня пасут.

Отборный корм
Ему любви порука.
И, самого себя
Призвав на суд,
Тому же самому
Ты обучать стал внука.
Но внук учебы этой
Не постиг
И, к горечи твоей,
Ушел в страну чужую.
По-твоему, теперь
Бродягою брожу я,
Слагая в помыслах
Ненужный глупый стих.
Ты говоришь:
Что у тебя украли,
Что я дурак,
А город – плут и мот.
Но только, дедушка,
Едва ли так, едва ли, –
Плохую лошадь
Вор не уведет.
Плохую лошадь
Со двора не сгонишь,
Но тот, кто хочет
Знать другую гладь,
Тот скажет:
Чтоб не сгнуть в затоне,

Страну родную
Нужно покидать.
Вот я и кинул.
Я в стране далекой.
Весна.
Здесь розы больше кулака.
И я твоей
Судьбине одинокой
Привет их теплый
Шлю издалека.
Теперь метель
Вовсю свистит в Рязани,
А у тебя –
Меня увидеть зуд.
Но ты ведь знаешь –
Никакие сани
Тебя сюда
Ко мне не завезут.
Я знаю –
Ты б приехал к розам,
К теплу.
Да только вот беда:
Твое проклятье
Силе паровоза
Тебя навек
Не сдвинет никуда.
А если я помру?
Ты слышишь, дедушка?

Помру я?
Ты сядешь или нет в вагон,
Чтобы присутствовать
На свадьбе похорон
И спеть в последнюю
Печаль мне «аллилуйя»?
Тогда садись, старик.
Садись без слез,
Доверься ты
Стальной кобыле.
Ах, что за лошадь,
Что за лошадь паровоз!
Ее, наверное,
В Германии купили.
Чугунный рот ее
Привык к огню,
И дым над ней, как грива, –
Черен, густ и четок.
Такую б гриву
Нашему коню, –
То сколько б вышло
Разных швабр и щеток!
Я знаю –
Время даже камень крошит...
И ты, старик,
Когда-нибудь поймешь,
Что, даже лучшую
Впрягая в сани лошадь,

*В далекий край
Лишь кости привезешь...
Поймешь и то,
Что я ушел недаром
Туда, где без
Быстрее, чем полет.
В стране, объята вьюгой
И пожаром,
Плохую лошадь
Вор не уведет.*

*Декабрь 1924
Батуми*

Ленин (отрывок из поэмы «Гуляй-поле»)

*Еще закон не отвердел,
Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.
Россия! Сердцу милый край!
Душа сжимается от боли.
Уж сколько лет не слышит поле
Петушьё пенье, песий лай.
Уж сколько лет наш тихий быт
Утратил мирные глаголы.
Как оспой, ямами копыт*

Изрыты пастбища и доли.
Немолчный топот, громкий
стон,
Визжат тачанки и телеги.
Ужель я сплю и вижу сон,
Что с копьями со всех сторон
Нас окружают печенеги?
Не сон, не сон, я вижу въявь,
Ничем не усыпленным взглядом,
Как, лошадей пуская вплавь,
Отряды скачут за отрядом.
Куда они? И где война?
Степная водь не внемлет слову.
Не знаю, светит ли луна
Иль всадник обронил подкову?
Все спуталось...
Но понял взор:
Страну родную в край из края,
Огнем и саблями сверкая,
Междоусобный рвет раздор.

.....

Россия –
Страшный, чудный звон.
В деревьях березь, в цветь – под-
снежник,
Откуда закатился он,
Тебя встревоживший мятежник?
Суровый гений! Он меня

Влечет не по своей фигуре.
Он не садился на коня
И не летел навстречу буре.
Сплеча голов он не рубил,
Не обращал в побег пехоту.
Одно в убийстве он любил –
Перепелиную охоту.
Для нас условен стал герой,
Мы любим тех, что в черных мас-
ках,
А он с сопливой детворой
Зимой катался на салазках.
И не носил он тех волос,
Что льют успех на женщин том-
ных, –
Он с лысиною, как поднос,
Глядел скромней из самых скром-
ных.
Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какою силой
Сумел потрясть он шар земной?
Но он потряс...
Шумы и вей!
Крути свирепей, непогода,
Смывай с несчастного народа
Позор острогов и церквей.

.....

Была пора жестоких лет,
Нас пестовали злые лапы.
На поприще крестьянских бед
Цвели имперские сатрапы.

.....
Монархия! Зловещий смрад!
Веками шли пиры за пиром,
И продал власть аристократ
Промышленникам и банкирам.
Народ стонал, и в эту жуть
Страна ждала кого-нибудь...
И он пришел.

.....
Он мощным словом
Повел нас всех к истокам новым.
Он нам сказал: «Чтоб кончить
муки,
Берите всё в рабочьи руки.
Для вас спасенья больше нет –
Как ваша власть и ваш Совет».

.....
И мы пошли под визг метели,
Куда глаза его глядели:
Пошли туда, где видел он
Освобожденье всех племен...

.....
И вот он умер...
Плач досаден.

Не славят музы голос бед.
Из медно лающих громадин
Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе;
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.
Для них не скажешь:
«Ленин умер!»
Их смерть к тоске не привела.

.....
Еще суровой и угрюмой
Они творят его дела...

<1924>

Метель

*Прядите, дни, свою былую пряжу,
Живой души не перестроить век.
Нет!*

*Никогда с собой я не полажу,
Себе, любимому,
Чужой я человек.*

*Хочу читать, а книга выпадает,
Долит зевота,
Так и клонит в сон...*

*А за окном
Протяжный ветер рыдает,
Как будто чуя
Близость похорон.*

*Облезлый клен
Своей верхушкой черной
Гнусавит хрипло
В небо о былом.*

*Какой он клен?
Он просто столб позорный –
На нем бы вешать
Иль отдать на слом.*

*И первого
Меня повесить нужно,
Скрестив мне руки за спиной:
За то, что песней*

Хриплой и недужной
Мешал я спать
Стране родной.
Я не люблю
Распевы петуха
И говорю,
Что если был бы в силе,
То всем бы петухам
Я выдрал потроха,
Чтобы они
Ночью не голосили.
Но я забыл,
Что сам я петухом
Орал вовсю
Перед рассветом края,
Отцовские заветы попирая,
Волнуясь сердцем
И стихом.
Визжит метель,
Как будто бы кабан,
Которого зарезать собрались.
Холодный,
Ледяной туман,
Не разберешь,
Где даль,
Где близь...
Луну, наверное,
Собаки съели –

Ее давно
На небе не видать.
Выдергивая нитку из кудели,
С веретеном
Ведет беседу мать.
Оглохший кот
Внимает той беседе,
С лежанки свесив
Важную главу.
Недаром говорят
Пугливые соседи,
Что он похож
На черную сову.
Глаза смежаются,
И как я их прищурю,
То вижу въявь
Из сказочной поры:
Кот лапой мне
Показывает дулю,
А мать – как ведьма
С киевской горы.
Не знаю, болен я
Или не болен,
Но только мысли
Бродят невпопад.
В ушах могильный
Стук лопат
С рыданьем дальних

Колоколен.
Себя усопшего
В гробу я вижу
Под аллилуйные
Стенания дьячка.
Я веки мертвому себе
Спускаю ниже,
Кладя на них
Два медных пяточка.
На эти деньги,
С мертвых глаз,
Могильщику теплее станет, –
Меня зарыв,
Он тот же час
Себя сивухой остаканит.
И скажет громко:
«Вот чудак!
Он в жизни
Буйствовал немало...
Но одолеть не мог никак
Пяти страниц
Из «Капитала».

Персидские мотивы (1925)

Персидские мотивы

«Улеглась моя былая рана...»

*Улеглась моя былая рана –
Пьяный бред не гложет сердце
мне.*

*Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане.
Сам чайханик с круглыми пле-
чами,*

*Чтобы славилась пред русским
чайхана,*

*Угощает меня красным чаем
Вместо крепкой водки и вина.*

*Угощай, хозяин, да не очень,
Много роз цветет в твоём саду,
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.*

*Мы в России девушек весенних
На цепи не держим, как собак,
Поцелуям учимся без денег,
Без кинжальных хитростей и
драк.*

*Ну, а этой за движенья стана,
Что лицом похожа на зарю,*

Подарю я шаль из Хороссана
И ковер ширазский подарю.
Наливай, хозяин, крепче чаю,
Я тебе вовеки не солгу.
За себя я нынче отвечаю,
За тебя ответить не могу.
И на дверь ты взглядывай не
очень,
Все равно калитка есть в саду...
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

«Я спросил сегодня у менялы...»

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по руб-
лю,
Как сказать мне для прекрасной
Лалы
По-персидски нежное «люблю»?
Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной
Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?
И еще спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной
Лалы,

Как сказать ей, что она «моя»?
И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.
Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах,
Красной розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах.
От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты – моя» сказать лишь могут
руки,
Что срывали черную чадру.

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!..»

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне,
Шаганэ ты моя, Шаганэ.
Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто
раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий,
Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи –
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.
Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

«Ты сказала, что Саади...»

Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.
Подожди ты, Бога ради,
Обучусь когда-нибудь!
Ты пропела: «За Евфратом
Розы лучше смертных дев».
Если был бы я богатым,
То другой сложил напев.
Я б порезал розы эти,
Ведь одна отрада мне –
Чтобы не было на свете

*Лучше милой Шаганэ.
И не мучь меня заветом,
У меня заветов нет:
Коль родился я поэтом,
То целуюсь, как поэт.*

«Никогда я не был на Босфоре...»

*Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.
Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым ста-
ном,
На коленях дай мне отдохнуть.
Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени – Россия –
Я известный, признанный поэт.
У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий синий край?
Я сюда приехал не от скуки –
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.*

*Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не кляню,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну.
Заглуши в душе тоску тальянки,
Напои дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.
И хотя я не был на Босфоре –
Я тебе придумаю о нем.
Все равно – глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем.*

«Свет вечерний шафранного края...»

*Свет вечерний шафранного края,
Тихо розы бегут по полям.
Спой мне песню, моя дорогая,
Ту, которую пел Хаям.
Тихо розы бегут по полям.
Лунным светом Шираз осиянен,
Кружит звезд мотыльковый рой,
Мне не нравится, что персияне
Держат женщин и дев под чадрой
Лунным светом Шираз осиянен.
Иль они от тепла застыли,
Закрывая телесную медь?
Или, чтобы их больше любили,
Не желают лицом загореть,*

Закрывая телесную медь?
Дорогая, с чадрой не дружись,
Заучи эту заповедь вкратце,
Ведь и так коротка наша жизнь,
Мало счастьем дано любоваться.
Заучи эту заповедь вкратце.
Даже все некрасивое в роке
Осеньет своя благодать.
Потому и прекрасные щеки
Перед миром грешно закрывать,
Коль дала их природа-мать.
Тихо розы бегут по полям.
Сердцу снится страна другая.
Я спою тебе сам, дорогая,
То, что сроду не пел Хаям...
Тихо розы бегут по полям.

«Воздух прозрачный и синий...»

Воздух прозрачный и синий,
Выйду в цветочные чащи.
Путник, в лазурь уходящий,
Ты не дойдешь до пустыни.
Воздух прозрачный и синий.
Лугом пройдешь, как садом,
Садом в цветенье диком,
Ты не удержишься взглядом,
Чтоб не припасть к гвоздикам.
Лугом пройдешь, как садом.

Шепот ли, шорох иль шелест –
Нежность, как песни Саади.
Вмиг отразится во взгляде
Месяца желтая прелесть,
Нежность, как песни Саади.
Голос раздастся пери,
Тихий, как флейта Гассана.
В крепких объятиях стана
Нет ни тревог, ни потери,
Только лишь флейта Гассана.
Вот он, удел желанный
Всех, кто в пути устали.
Ветер благоуханный
Пью я сухими устами,
Ветер благоуханный.

«Золото холодное луны...»

Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя.
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны.
Далеко-далече там Багдад,
Где жила и пела Шахразада.
Но теперь ей ничего не надо.
Отзвенел давно звеневший сад.
Призраки далекие земли
Поросли кладбищенской травой.
Ты же, путник, мертвым не внем-

ли,
Не склоняйся к плитам головою.
Оглянись, как хорошо кругом:
Губы к розам так и тянет, тя-
нет.
Помиришь лишь в сердце со вра-
гом –
И тебя блаженством ошафра-
нит.
Жить – так жить, любить – так
уж
влюбляться,
В лунном золоте целуйся и гуляй,
Если ж хочешь мертвым покло-
няться,
То живых тем сном не отравляй.
Это пела даже Шахразада, –
Так вторично скажет листьев
медь.
Тех, которым ничего не надо,
Только можно в мире пожалеть.

«В Хороссане есть такие двери...»

В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог.

У меня в руках довольно силы,
В волосах есть золото и медь.
Голос пери нежный и красивый.
У меня в руках довольно силы,
Но дверей не смог я отпереть.
Ни к чему в любви моей отвага
И зачем? Кому мне песни петь? –
Если стала неревнивой Шага,
Коль дверей не смог я отпереть.
Ни к чему в любви моей отвага.
Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстаюсь
Из любви к родимому мне краю?
Мне пора обратно ехать в Русь.
До свиданья, пери, до свиданья,
Пусть не смог я двери отпереть,
Ты дала красивое страданье,
Про тебя на родине мне петь.
До свиданья, пери, до свиданья.

«Голубая родина Фирдуси...»

Голубая родина Фирдуси,
Ты не можешь, памятью про-
стыв,
Позабыть о ласковом урусе
И глазах, задумчиво простых,
Голубая родина Фирдуси.

Хороша ты, Персия, я знаю,
Розы, как светильники, горят
И опять мне о далеком крае
Свежестью упругой говорят.
Хороша ты, Персия, я знаю.
Я сегодня пью в последний раз
Ароматы, что хмельны, как бра-
га.

И твой голос, дорогая Шага,
В этот трудный расставанья час
Слушаю в последний раз.
Но тебя я разве позабуду?
И в моей скитальческой судьбе
Близкому и дальнему мне люду
Буду говорить я о тебе –
И тебя навеки не забуду.
Я твоих несчастий не боюсь,
Но на всякий случай твой угрю-
мый
Оставляю песенку про Русь:
Запевая, обо мне подумай,
И тебе я в песне отзовусь...

«БЫТЬ ПОЭТОМ – ЭТО ЗНАЧИТ ТО ЖЕ...»

Быть поэтом – это значит то
же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,

Кровью чувств ласкать чужие души.

Быть поэтом – значит петь раздольно,

Чтобы было для тебя известней.

Соловей поет – ему не больно,

У него одна и та же песня.

Канарейка с голоса чужого –

Жалкая, смешная побрякушка.

Миру нужно песенное слово

Петь по-свойски, даже как лягушка.

Магомет перехитрил в Коране,

Запрещая крепкие напитки,

Потому поэт не перестанет

Пить вино, когда идет на пытки.

И когда поэт идет к любимой,

А любимая с другим лежит на ложе,

Влагою жительной хранимый,

Он ей в сердце не запустит ножик.

Но, горя ревнивою отвагой,

Будет вслух насвистывать до дома:

«Ну и что ж, помру себе бродягой,

На земле и это нам знакомо».

Август 1924

«Руки милой – пара лебедей...»

Руки милой – пара лебедей –
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.
Пел и я когда-то далеко
И теперь пою про то же снова,
Потому и дышит глубоко
Нежностью пропитанное слово.
Если душу вылюбить до дна,
Сердце станет глыбой золотою,
Только тегеранская луна
Не согреет песни теплотою.
Я не знаю, как мне жизнь про-
жить:
Догореть ли в ласках милой Шаги
Иль под старость трепетно ту-
жить
О прошедшей песенной отваге?
У всего своя походка есть:
Что приятно уху, что – для глаза.
Если перс слагает плохо песнь,
Значит, он вовек не из Шираза.
Про меня же и за эти песни
Говорите так среди людей:
Он бы пел нежнее и чудесней,
Да сгубила пара лебедей.

«Отчего луна так светит тускло...»

*«Отчего луна так светит тускло
На сады и стены Хороссана?
Словно я хожу равниной русской
Под шуршащим пологом тумана», –*

*Так спросил я, дорогая Лала,
У молчащих ночью кипарисов,
Но их рать ни слова не сказала,
К небу гордо головы завывив.*

«Отчего луна так светит грустно?» –

*У цветов спросил я в тихой чаще,
И цветы сказали: «Ты почувствуй
По печали розы шелестящей».*

*Лепестками роза расплескалась,
Лепестками тайно мне сказала:
«Шаганэ твоя с другим ласкалась,
Шаганэ другого целовала.*

*Говорила: «Русский не заметит...
Сердцу – песнь, а песне – жизнь и
тело...»*

*Оттого луна так тускло светит,
Оттого печально побледнела.*

*Слишком много виделось измены,
Слез и мук, кто ждал их, кто не
хочет.*

.....

Но и все ж вовек благословенны
На земле сиреневые ночи.

«Глупое сердце, не бейся!..»

Глупое сердце, не бейся!
Все мы обмануты счастьем,
Нищий лишь просит участия...
Глупое сердце, не бейся.
Месяца желтые чары
Льют по каштанам в пролесь.
Дале склонясь на шальвары,
Я под чадрую укроюсь.
Глупое сердце, не бейся.
Все мы порою, как дети,
Часто смеемся и плачем:
Выпали нам на свете
Радости и неудачи.
Глупое сердце, не бейся.
Многие видел я страны,
Счастья искал повсюду,
Только удел желанный
Больше искать не буду.
Глупое сердце, не бейся.
Жизнь не совсем обманула.
Новой напьемся силой.
Сердце, ты хоть бы заснуло
Здесь, на коленях у милой.
Жизнь не совсем обманула.

Может, и нас отметит
Рок, что течет лавиной,
И на любовь ответит
Песнею соловьиной.
Глупое сердце, не бейся.

Август 1924

«Голубая да веселая страна...»

Голубая да веселая страна.
Честь моя за песню продана.
Ветер с моря, тише дуй и вей –
Слышишь, розу кличет соловей?
Слышишь, роза клонится и гнет-
ся –
Эта песня в сердце отзовется.
Ветер с моря, тише дуй и вей –
Слышишь, розу кличет соловей?
Ты ребенок, в этом спора нет,
Да и я ведь разве не поэт?
Ветер с моря, тише дуй и вей –
Слышишь, розу кличет соловей?
Дорогая Гелия, прости,
Много роз бывает на пути,
Много роз склоняется и гнется,
Но одна лишь сердцем улыбнется.
Улыбнемся вместе, ты и я,
За такие милые края.
Ветер с моря, тише дуй и вей –

*Слышишь, розу кличет соловей?
Голубая да веселая страна.
Пусть вся жизнь моя за песню
продана,
Но за Гелию в тенях ветвей
Обнимает розу соловей.*

Мой путь

Мой путь

*Жизнь входит в берега.
Села давнишний житель,
Я вспоминаю то,
Что видел я в краю.
Стихи мои,
Спокойно расскажите
Про жизнь мою.
Изба крестьянская.
Хомутный запах дегтя,
Божница старая,
Лампады кроткий свет.
Как хорошо,
Что я сберег те
Все ощущение детских лет.
Под окнами
Костер метели белой.
Мне девять лет.
Лежанка, бабка, кот...*

И бабка что-то грустное,
Степное пела,
Порой зевая
И крестя свой рот.
Метель ревела,
Под оконцем
Как будто бы плясали мертвецы.
Тогда империя
Вела войну с японцем,
И всем далекие
Мережились кресты.
Тогда не знал я
Черных дел России.
Не знал, зачем
И почему война.
Рязанские поля,
Где мужики косили,
Где сеяли свой хлеб,
Была моя страна.
Я помню только то,
Что мужики роптали,
Брались в черта,
И в Бога и в царя.
Но им в ответ
Лишь улыбались дали
Да наша жидкая
Лимонная заря.
Тогда впервые

С рифмой я схлестнулся.
От сонма чувств
Вскружилась голова.
И я сказал:
Коль этот зуд проснулся,
Всю душу выплещу в слова.
Года далекие,
Теперь вы как в тумане.
И помню, дед мне
С грустью говорил:
«Пустое дело...
Ну, а если тянет –
Пиши про рожь,
Но больше про кобыл».
Тогда в мозгу,
Влеченьем к музе сжатом,
Текли мечтанья
В тайной тишине,
Что буду я
Известным и богатым
И будет памятник
Стоять в Рязани мне.
В пятнадцать лет
Взлюбил я до печенок
И сладко думал,
Лишь уединюсь,
Что я на этой
Лучшей из девчонок,

Достигнув возраста, женюсь.

.....

Года текли,
Года меняют лица –
Другой на них
Ложится свет.
Мечтатель сельский –
Я в столице
Стал первокласснейший поэт.
И, заболев
Писательскою скукой,
Пошел скитаться я
Средь разных стран,
Не веря встречам,
Не томясь разлукой,
Считая мир весь за обман.
Тогда я понял,
Что такое Русь.
Я понял, что такое слава.
И потому мне
В душу грусть
Вошла, как горькая отравка.
На кой мне черт,
Что я поэт!..
И без меня в достатке дряни.
Пускай я сдохну,
Только...
Нет,

Не ставьте памятник в Рязани!
Россия... Царщина...
Тоска...
И снисходительность дворян-
ства.
Ну что ж!
Так принимай, Москва,
Отчаянное хулиганство.
Посмотрим –
Кто кого возьмет!
И вот в стихах моих
Забила
В салонный вылощенный
Сброд
Мочой рязанская кобыла.
Не нравится?
Да, вы правы –
Привычка к Лориган
И к розам...
Но этот хлеб,
Что жрете вы, –
Ведь мы его того-с...
Навозом...
Еще прошли года.
В годах такое было,
О чем в словах
Всего не рассказать:
На смену царщине

С величественной силой
Рабочая предстала рать.
Устав таскаться
По чужим пределам,
Вернулся я
В родимый дом.
Зеленокосая,
В юбчонке белой
Стоит береза над прудом.
Уж и береза!
Чудная... А груди...
Таких грудей
У женщин не найдешь.
С полей обрызганные солнцем
Люди
Везут навстречу мне
В телегах рожь.
Им не узнать меня,
Я им прохожий.
Но вот проходит
Баба, не взглянув.
Какой-то ток
Невыразимой дрожи
Я чувствую во всю спину.
Ужель она?
Ужели не узнала?
Ну и пускай,
Пускай себе пройдет...

И без меня ей
Горечи немало –
Недаром лег
Страдальчески так рот.
По вечерам,
Надвинув ниже кепи,
Чтобы не выдать
Холода очей, –
Хожу смотреть я
Скошенные степи
И слушать,
Как звенит ручей.
Ну что же?
Молодость прошла!
Пора приняться мне
За дело,
Чтоб озорливая душа
Уже по-зрелому запела.
И пусть иная жизнь села
Меня наполнит
Новой силой,
Как раньше
К славе привела
Родная русская кобыла.

Рябиновый костер

«Отговорила роща золотая...»

*Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.
Кого жалеть? Ведь каждый в ми-
ре странник –
Пройдет, зайдет и вновь оставит
дом.
О всех ушедших грезит конопля-
ник
С широким месяцем над голубым
прудом.
Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в
даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не
жаль.
Не жаль мне лет, растроченных
напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины крас-
ной,
Но никого не может он согреть.*

*Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет тра-
ва.*

*Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.
И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный
ком...*

*Скажите так... что роцца золо-
тая*

Отговорила милым языком.

Сукин сын

*Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.
Мне припомнилась нынче собака,
Что была моей юности друг.
Нынче – юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами клен,
Но припомнил я девушку в белом,
Для которой был пес почтальон.
Не у всякого есть свой близкий,
Но она мне как песня была,
Потому что мои записки
Из ошейника пса не брала.
Никогда она их не читала,
И мой почерк ей был незнаком,
Но о чем-то подолгу мечтала*

У калины за желтым прудом.
Я страдал... Я хотел ответа...
Не дождался... уехал... И вот
Через годы... известным поэтом
Снова здесь, у родимых ворот.
Та собака давно околела,
Но в ту ж масть, что с отливом
в синь,
С лаем ливисто ошалелым
Меня встрел молодой ее сын.
Мать честная! И как же схожи!
Снова выплыла боль души.
С этой болью я будто моложе,
И хоть снова записки пиши.
Рад послушать я песню былую,
Но не лай ты! Не лай! Не лай!
Хочешь, пес, я тебя поцелую
За пробуженный в сердце май?
Поцелую, прижмусь к тебе телом
И, как друга, введу тебя в дом...
Да, мне нравилась девушка в бе-
лом,
Но теперь я люблю в голубом.

31 июля 1924

«Этой грусти теперь не рассыпать...»

*Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет.*

Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.
Для меня было все тогда новым,
Много в сердце теснилось чувств,
А теперь даже нежное слово
Горьким плодом срывается с уст.
И знакомые взору просторы
Уж не так под луной хороши.
Буераки... пеньки... косогоры
Обпечалили русскую ширь.
Нездоровое, хилое, низкое,
Водянистая, серая гладь.
Это все мне родное и близкое,
От чего так легко зарыдать.
Покосившаяся избенка,
Плач овцы, и вдали на ветру
Машет тощим хвостом лоша-
денка,
Заглядевшись в неласковый пруд.
Это все, что зовем мы родиной,
Это все, отчего на ней
Пьют и плачут в одно с непогоди-
ной,
Дожидаясь улыбчивых дней.
Потому никому не рассыпать
Эту грусть смехом ранних лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

«Низкий дом с голубыми ставнями...»

Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда, –
Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года.
До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес.
Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской души.

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.
Только видели березь, да цветь,
Да ракитник, кривой и безлистый,
Да разбойные слышали свисты,
От которых легко умереть.
Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться,
И под этим дешевеньким ситцем
Ты мила мне, родимая выть.

*Потому так и днями недавними
Уж не юные веют года...
Низкий дом с голубыми ставня-
ми,
Не забыть мне тебя никогда.*

Стихотворения разных лет

Береза

*Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.
На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.
И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.
А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.*

<1913>

«Поет зима, аукает...»

Поет зима, аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
Седые облака.
А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.
Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится все сильнее.
И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

[1910-?]

Прощание с мариенгофом

*Есть в дружбе счастье оголтелое
И судорога буйных чувств –
Огонь растапливает тело,
Как стеариновую свечу.
Возлюбленный мой! дай мне ру-
ки –
Я по-иному не привык, –
Хочу омыть их в час разлуки
Я желтой пеной головы.
Ах, Толя, Толя, ты ли, ты ли,
В который миг, в который раз –
Опять, как молоко, застыли
Круги недвижущихся глаз.
Прощай, прощай. В пожарах лун-
ных
Дождусь ли радостного дня?
Среди прославленных и юных
Ты был всех лучше для меня.
В такой-то срок, в таком-то годе
Мы встретимся, быть может,
вновь...
Мне страшно, – ведь душа прохо-
дит,
Как молодость и как любовь.
Другой в тебе меня заглушит.
Не потому ли – в лад речам –
Мои рыдающие уши,*

Как весла, плещут по плечам?
Прощай, прощай. В пожарах лун-
ных
Не зреть мне радостного дня.
Но все ж средь трепетных и юных
Ты был всех лучше для меня.
<1922>

«Сыпь, гармоника! Скука... скука...»

Сыпь, гармоника! Скука... Скука...
Гармонист пальцы льет волной.
Пей со мною, паршивая сука,
Пей со мной.
Излюбили тебя, измызгали,
Невтерпеж!
Что ж ты смотришь так синими
брызгами,
Иль в морду хошь?
В огород бы тебя, на чучело,
Пугать ворон.
До печенок меня замучила
Со всех сторон.
Сыпь, гармоника! Сыпь, моя
частая!
Пей, выдра! Пей!
Мне бы лучше вон ту, сисястую,

Она глупей.
Я среди женщин тебя не первую,
Немало вас,
Но с такой вот, как ты, со стер-
вою
Лишь в первый раз.
Чем больнее, тем звонче,
То здесь, то там.
Я с собой не покончу,
Или к чертям.
К вашей своре собачьей
Пора простыть.
Дорогая... я плачу,
Прости... прости.

<1923>

«Грубым дается радость...»

*Грубым дается радость,
Нежным дается печаль.
Мне ничего не надо,
Мне никого не жаль.
Жаль мне себя немного,
Жалко бездомных собак.
Эта прямая дорога
Меня привела в кабак.
Что ж вы ругаетесь, дьяволы?
Иль я не сын страны?
Каждый из нас закладывал
За рюмку свои штаны.
Мутно гляжу на окна,
В сердце тоска и зной.
Катится, в солнце измокнув,
Улица передо мной.
А на улице мальчик сопливый.
Воздух поджарен и сух.
Мальчик такой счастливый
И ковыряет в носу.
Ковыряй, ковыряй, мой милый,
Суй туда палец весь,
Только вот с эфтой силой
В душу свою не лезь.
Я уж готов. Я робкий.*

Глянь на бутылочк рать!
Я собираю пробки –
Душу мою затыкать.
1923

«Издатель славный! В этой книге...»

*Издатель славный! В этой книге
Я новым чувствам предаюсь,
Учусь постигнуть в каждом миге
Коммуной вздыбленную Русь.
Пускай о многом неумело
Шептал бумаге карандаш,
Душа спросонок хрипло пела,
Не понимая праздник наш.
Но ты видением поэта
Прочтешь не в буквах, а в другом,
Что в той стране, где власть Со-
ветов,
Не пишут старым языком.
И, разбирая опыт смелый,
Меня насмешке не предашь, –
Лишь потому так неумело
Шептал бумаге карандаш.*

[1924]

«Годы молодые с забубенной славой...»

Годы молодые с забубенной сла-
вой,
Отравил я сам вас горькою отра-
вой.
Я не знаю: мой конец близок ли,
далек ли,
Были синие глаза, да теперь по-
блекли.
Где ты, радость? Темь и жуть,
грустно и обидно.
В поле, что ли? В кабаке? Ничего
не видно.
Руки вытяну – и вот слушаю на
ощупь:
Едем... кони... сани... снег... проез-
жаем рошу.
«Эй, ямщик, неси вовсю! Чай, рож-
ден не слабым!
Душу вытрясти не жаль по та-
ким ухабам».
А ямщик в ответ одно: «По такой
метели
Очень страшно, чтоб в пути ло-
шади вспотели».

«Ты, ямщик, я вижу, трус. Это не с руки нам!»

Взял я кнут и ну стегать по лошажьим спинам.

Бью, а кони, как метель, снег разносят в хлопья.

Вдруг толчок... и из саней прямо на сугроб я.

Встал и вижу: что за черт – вместо бойкой тройки...

Забинтованный лежу на больничной койке.

И вместо лошадей по дороге тряской

Бью я жесткую кровать мокрою повязкой.

На лице часов в усы закрутились стрелки.

Наклонились надо мной сонные сиделки.

Наклонились и хрипят: «Эх ты, златоглавый,

Отравил ты сам себя горькою отравой.

Мы не знаем: твой конец близок ли, далек ли, –

Синие твои глаза в кабаках промокли».

[1924]

Письмо матери

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей из-
бушкой
Тот вечерний несказанный свет.
Пишут мне, что ты, тая трево-
гу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне,
И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой
драке
Саданул под сердце финский нож.
Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.
Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.
Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.

Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.
Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбылось, –
Слишком раннюю утрату и уста-
лость

Испытать мне в жизни приве-
лось.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.
Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

[1924]

«Я усталым таким еще не был...»

*Я усталым таким еще не был.
В эту серую морозь и слизь
Мне приснилось рязанское небо
И моя непутевая жизнь.
Много женщин меня любило,
Да и сам я любил не одну,
Не от этого ль темная сила
Приучила меня к вину.
Бесконечные пьяные ночи
И в разгуле тоска не впервые!
Не с того ли глаза мне точит,
Словно синие листья червь?
Не больна мне ничья измена,
И не радуется легкость побед, –
Тех волос золотое сено
Превращается в серый цвет.
Превращаются в пепел и воды,
Когда цедит осенняя муть.
Мне не жаль вас, прошедшие го-
ды, –
Ничего не хочу вернуть.
Я устал себя мучить без цели,
И с улыбкою странной лица
Полюбил я носить в своем теле
Тихий свет и покой мертвеца...*

И теперь даже стало не тяжело
Ковылять из притона в притон,
Как в смирительную рубашку,
Мы природу берем в бетон.
И во мне, вот по тем же законам,
Умиряется бешеный пыл.
Но и все ж отношусь я с покло-
ном
К тем полям, что когда-то лю-
бил.
В те края, где я рос под кленом,
Где резвился на желтой траве, –
Шлю привет воробьям и воронам,
И рыдающей в ночь сове.
Я кричу им в весенние дали:
«Птицы милые, в синюю дрожь
Передайте, что я отскандалил, –
Пусть хоть ветер теперь начина-
ет
Под микитки дубасить рожь».

<1923>

«Мне осталась одна забава...»

*Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.
Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в Бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.
Золотые, далекие дали!
Все сжигает житейская мреть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.
Дар поэта – ласкать и карябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.
Пусть не сладились, пусть не сбы-
лись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились –
Значит, ангелы жили в ней.
Вот за это веселие муты,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со*

мною, –
Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубаш-
ке
Под иконами умирать.

1923

«Мы теперь уходим понемногу...»

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благо-
дать.
Может быть, и скоро мне в доро-
гу
Бренные пожитки собирать.
Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.
Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую водь.
Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой

Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,

Мял цветы, валялся на траве

И зверье, как братьев наших меньших,

Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,

Не звенит лебяжьей шеей рожь.

Оттого пред сонмом уходящих

Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет

Этих нив, златящихся во мгле...

Оттого и дороги мне люди,

Что живут со мною на земле.

1924

Пушкину

Мечтая о могучем даре

Того, кто русской стал судьбой,

Стою я на Тверском бульваре,

Стою и говорю с тобой.

Блондинистый, почти белесый,

В легендах ставший как туман,

О Александр! Ты был повеса,

Как я сегодня хулиган.

Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой,
И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.
А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.
Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь.
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

26 мая 1924

«Синий май. Заревая теплынь...»

Синий май. Заревая теплынь.
Не прозвякнет кольцо у калитки.
Липким запахом веет полынь.
Спит черемуха в белой накидке.
В деревянные крылья окна
Вместе с рамами в тонкие што-
ры
Вяжет взбалмошная луна
На полу кружевные узоры.
Наша горница хоть и мала,
Но чиста. Я с собой на досуге...

В этот вечер вся жизнь мне ми-
ла,
Как приятная память о друге.
Сад польщит, как пенный пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый дро-
жал
От щемящего слова «милый».
Только я в эту цветь, в эту гладь,
Под тальянку веселого мая,
Ничего не могу пожелать,
Все, как есть, без конца принимая.
Принимаю – приди и явись,
Все явись, в чем есть боль и отра-
да...
Мир тебе, отшумевшая жизнь.
Мир тебе, голубая прохлада.

[1925]

Собаке Качалова

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.
Дай, Джим, на счастье лапу мне.
Пожалуйста, голубчик, не ли-
жись.
Пойми со мной хоть самое про-

стое.

Ведь ты не знаешь, что такое
жизнь,

Не знаешь ты, что жить на све-
те стоит.

Хозяин твой и мил и знаменит,
И у него гостей бывает в доме
много,

И каждый, улыбаясь, норовит
Тебя по шерсти бархатной потро-
гать.

Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такою милою доверчивой при-
ятцей.

И никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь цело-
ваться.

Мой милый Джим, среди твоих
гостей

Так много всяких и невсяких было.
Но та, что всех безмолвней и
грустней,

Сюда случайно вдруг не заходила?
Она придет, даю тебе поруку.

И без меня, в ее уставясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За все, в чем был и не был вино-
ват.

«Несказанное, синее, нежное...»

*Несказанное, синее, нежное...
Тих мой край после бурь, после
гроз,
И душа моя – поле безбрежное –
Дышит запахом меда и роз.
Я утих. Годы сделали дело,
Но того, что прошло, не кляню.
Словно тройка коней оголтелая
Прокатилась по всю страну.
Напылили кругом. Накопытили.
И пропали под дьявольский свист.
А теперь вот в лесной обители
Даже слышно, как падает лист.
Колокольчик ли, дальнее эхо ли?
Все спокойно впивает грудь.
Стой, душа! Мы с тобой проехали
Через бурный положенный путь.
Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что случилось в
стране,
И простим, где нас горько обиде-
ли
По чужой и по нашей вине.
Принимаю, что было и не было,*

Только жаль на тридцатом го-
ду –
Слишком мало я в юности требо-
вал,
Забываясь в кабацком чаду.
Но ведь дуб молодой, не разжелу-
дьясь,
Так же гнется, как в поле трава...
Эх ты, молодость, буйная моло-
дость,
Золотая сорвиголова!

1925

Песня

Есть одна хорошая песня у соло-
вушки –
Песня панихидная по моей голо-
вушке.
Цвела – забубенная, росла – ноже-
вая,
А теперь вдруг свесилась, словно
неживая.
Думы мои, думы! Боль в висках и
темени.
Промотал я молодость без поры,
без времени.
Как случилось-стало, сам не по-
нимаю.

*Ночью жесткую подушку к сердцу
прижимаю.*

*Лейся, песня звонкая, вылей трель
унылую.*

*В темноте мне кажется – обни-
маю милую.*

*За окном гармоника и сиянье ме-
сяца.*

*Только знаю – милая никогда не
встретится.*

*Эх, любовь-калинушка, кровь – за-
ря вишневая,*

*Как гитара старая и как песня
новая.*

*С теми же улыбками, радостью и
муками,*

*Что певалось дедами, то поется
внуками.*

*Пейте, пойте в юности, бейте в
жизнь без промаха –*

*Все равно любимая отцветет че-
ремухой.*

*Я отцвел, не знаю где. В пьянстве,
что ли?*

В славе ли?

*В молодости нравился, а теперь
оставили.*

Потому хорошая песня у соловуш-

ки,
Песня панихидная по моей голо-
вушке.
Цвела – забубенная, была – ноже-
вая,
А теперь вдруг свесилась, словно
неживая.

1925

«Заря окликает другую...»

Заря окликает другую,
Дымится овсяная гладь...
Я вспомнил тебя, дорогую,
Моя одряхлевшая мать.
Как прежде ходя на пригорок,
Костыль свой сжимая в руке,
Ты смотришь на лунный опорок,
Плывущий по сонной реке.
И думаешь горько, я знаю,
С тревогой и грустью большой,
Что сын твой по отчему краю
Совсем не болеет душой.
Потом ты идешь до погоста
И, в камень уставясь в упор,
Вздыхаешь так нежно и просто
За братьев моих и сестер.

Пускай мы росли ножевые,
А сестры росли, как май,
Ты все же глаза живые
Печально не подымай.
Довольно скорбеть! Довольно!
И время тебе подсмотреть,
Что яблоне тоже больно
Терять своих листьев медь.
Ведь радость бывает редко,
Как вешняя звень поутру,
И мне – чем сгнивать на ветках –
Уж лучше сгореть на ветру.
[1925]

«Ну, целуй меня, целуй...»

Ну, целуй меня, целуй,
Хоть до крови, хоть до боли.
Не в ладу с холодной волей
Кипяток сердечных струй.
Опрокинутая кружка
Средь веселых не для нас.
Понимай, моя подружка,
На земле живут лишь раз!
Оглядись спокойным взором,
Посмотри: во мгле сырой
Месяц, словно желтый ворон,

Кружит, вьется над землей.
Ну, целуй же! Так хочу я.
Песню тлен пропел и мне.
Видно, смерть мою почувал
Тот, кто вьется в вышине.
Увядающая сила!
Умирать так умирать!
До кончины губы милой
Я хотел бы целовать.
Чтоб все время в синих дрёмах,
Не стыдясь и не тая,
В нежном шелесте черемух
Раздавалось: «Я твоя».
И чтоб свет над полной кружкой
Легкой пеной не погас –
Пей и пой, моя подружка:
На земле живут лишь раз!

1925

«Неуютная жидкая лунность...»

Неуютная жидкая лунность
И тоска бесконечных равнин, –
Вот что видел я в резвую юность,
Что, любя, проклинал не один.
По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес...
Ни за что не хотел я теперь бы,
Чтоб мне слушать ее привелось.
Равнодушен я стал к лачугам,
И очажный огонь мне не мил,
Даже яблонь весеннюю вьюгу
Я за бедность полей разлюбил.
Мне теперь по душе иное...
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.
Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.
Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальною
Видеть бедную, нищую Русь.
И, внимая моторному лаю

*В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.
[1925]*

«Каждый труд благослови, удача!..»

*Каждый труд благослови, удача!
Рыбаку – чтоб с рыбой невода,
Пахарю – чтоб плуг его и кляча
Доставали хлеба на года.
Воду пьют из кружек и стаканов,
Из кувшинок также можно
пить –
Там, где омут розовых туманов
Не устанет берег золотить.
Хорошо лежать в траве зеленой
И, впиваясь в прозрачную гладь,
Чей-то взгляд, ревнивый и влюб-
ленный,
На себе, уставшем, вспоминать.
Коростели свищут... коростели...
Потому так и светлы всегда
Те, что в жизни сердцем опросте-
ли
Под веселой ношею труда.
Только я забыл, что я крестья-*

нин,
И теперь рассказываю сам,
Соглядатай праздный, я ль не
странен
Дорогим мне пашням и лесам.
Словно жаль кому-то и кого-то,
Словно кто-то к родине отвык,
И с того, поднявшись над боло-
том,
В душу плачут чибис и кулик.
Июль 1925

«Спит ковыль. Равнина дорогая...»

Спит ковыль. Равнина дорогая
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольет мне в грудь мою теп-
лынь.
Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси –
Радуясь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.
Свет луны, таинственный и длин-
ный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный

Не разлюбит отчие поля.
И теперь, когда вот новым све-
том
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.
По ночам, прижавшись к изголо-
вью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет но-
вью
На мои поляны и луга.
Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!

Июль 1925

«Я помню, любимая, помню...»

*Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос.
Не радостно и не легко мне
Покинуть тебя привелось.
Я помню осенние ночи,
Березовый шорох теней...
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.
Я помню, ты мне говорила:
«Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда».
Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,
Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.
И сердце, остыть не готовясь
И грустно другую любя,
Как будто любимую повесть
С другой вспоминает тебя.*

[1925]

«Не вернусь я в отчий дом...»

Не вернусь я в отчий дом,
Вечно странствующий странник.
Об ушедшем над прудом
Пусть тоскует конопляник.
Пусть неровные луга
Обо мне поют крапивой, –
Брызжет полночью дуга,
Колокольчик говорливый.
Высоко стоит луна,
Даже шапки не докинуть.
Песне тайна не дана,
Где ей жить и где погибнуть.
Но на склоне наших лет
В отчий дом ведут дороги.
Повезут глухие дроги
Полутруп, полускелет.
Ведь не даром с давних пор
Поговорка есть в народе:
Даже пес в хозяйский двор
Издыхать всегда приходит.
Ворочусь я в отчий дом –
Жил и не жил бедный странник...

.....
В синий вечер над прудом
Прослезится конопляник.

[1925]

«Над окошком месяц. Под окошком ветер...»

*Над окошком месяц. Под окош-
ком ветер.*

*Облетевший тополь серебрист и
светел.*

*Дальний плач тальянки, голос
одинокий –*

*И такой родимый, и такой дале-
кий.*

*Плачет и смеется песня лиховая.
Где ты, моя липа? Липа вековая?*

*Я и сам когда-то в праздник спо-
заранку*

*Выходил к любимой, развернув
тальянку.*

*А теперь я милой ничего не значу.
Под чужую песню и смеюсь и пла-
чу.*

Август 1925

«Видно, так заведено навеки...»

*Видно, так заведено навеки –
К тридцати годам перебежась,
Все сильней, прожженные калеки,
С жизнью мы удерживаем связь.
Милая, мне скоро стукнет тридцать,
И земля милей мне с каждым днем.
Оттого и сердцу стало сниться,
Что горю я розовым огнем.
Коль гореть, так уж гореть сгорая,
И недаром в липовую цветъ
Вынул я кольцо у попугая –
Знак того, что вместе нам сгореть.
То кольцо надела мне цыганка.
Сняв с руки, я дал его тебе,
И теперь, когда грустит шарманка,
Не могу не думать, не робеть.
В голове болотный бродит омут,
И на сердце изморозь и мгла:
Может быть, кому-нибудь другому*

Ты его со смехом отдала?
Может быть, целуясь до рассвета,
Он тебя расспрашивает сам,
Как смешного, глупого поэта
Привела ты к чувственным стихам.
Ну и что ж! Пройдет и эта рана.
Только горько видеть жизни край.
В первый раз такого хулигана
Обманул проклятый попугай.
Июль 1925

«Гори, звезда моя, не падай...»

Гори, звезда моя, не падай,
Роняй холодные лучи.
Ведь за кладбищенской оградой
Живое сердце не стучит.
Ты светишь августом и рожью
И наполняешь тишь полей
Такой рыдалистою дрожью
Неотлетевших журавлей.
И, голову вздымая выше,
Не то за рощей – за холмом
Я снова чью-то песню слышу
Про отчий край и отчий дом.

И золотеющая осень,
В березах убавляя сок,
За всех, кого любил и бросил,
Листвою плачет на песок.
Я знаю, знаю. Скоро, скоро
Ни по моей, ни чьей вине
Под низким траурным забором
Лежать придется так же мне.
Погаснет ласковое пламя,
И сердце превратится в прах.
Друзья поставят серый камень
С веселой надписью в стихах.
Но, погребальной грусти внемля,
Я для себя сложил бы так:
Любил он родину и землю,
Как любит пьяница кабак.

Август 1925

«Жизнь – обман с чарующей ТОСКОЮ...»

*Жизнь – обман с чарующей тоскою,
Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою
Роковые пишет письма.
Я всегда, когда глаза закрою,
Говорю: «Лишь сердце потревожь,
Жизнь – обман, но и она порою
Украшает радостями ложь.
Обратись лицом к седому небу,
По луне гадая о судьбе,
Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе».
Хорошо в черемуховой вьюге
Думать так, что эта жизнь –
стезя.
Пусть обманут легкие подруги,
Пусть изменяют легкие друзья.
Пусть меня ласкают нежным
словом,
Пусть острее бритвы злой язык, –
Я живу давно на все готовым,
Ко всему безжалостно привык.
Холодят мне душу эти выси,*

Нет тепла от звездного огня.
Те, кого любил я, отреклся,
Кем я жил – забыли про меня.
Но и все ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и люби-
мой,
Эту жизнь за все благодарю.

Август 1925

**«Сыпь, тальянка, звонко, сыпь,
тальянка, смело!..»**

Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, та-
льянка, смело!
Вспомнить, что ли, юность, ту,
что пролетела?
Не шуми, осина, не пыли, дорога.
Пусть несется песня к милой до
порога.
Пусть она услышит, пусть она
поплачет.
Ей чужая юность ничего не зна-
чит.
Ну, а если значит – проживет не
мучась.
Где ты, моя радость? Где ты, моя

участь?

*Лейся, песня, пуще, лейся, песня,
звяньше.*

*Все равно не будет то, что было
раньше.*

*За былую силу, гордость и осанку
Только и осталась песня под та-
льянку.*

Сентябрь 1925

«Я красивых таких не видел...»

Сестре Шуре

*Я красивых таких не видел,
Только, знаешь, в душе затаю
Не в плохой, а в хорошей обиде –
Повторяешь ты юность мою.
Ты – мое васильковое слово,
Я навеки люблю тебя.*

*Как живет теперь наша корова,
Грусть соломенную теребя?
Запоешь ты, а мне любимо,
Исцеляй меня детским сном.
Отгорела ли наша рябина,
Осыпаясь под белым окном?
Что поет теперь мать за куде-*

лью?

Я навеки покинул село,
Только знаю – багряной метелью
Нам листвы на крыльцо намело.
Знаю то, что о нас с тобой вме-
сте

Вместо ласки и вместо слез
У ворот, как о сгибшей невесте,
Тихо воет покинутый пес.
Но и все ж возвращаться не надо,
Потому и достался не в срок,
Как любовь, как печаль и отрада,
Твой красивый рязанский платок.

Сентябрь 1925

«Ты запой мне ту песню, что прежде...»

Сестре Шуре

*Ты запой мне ту песню, что
прежде
Напевала нам старая мать.
Не жалея о сгибшей надежде,
Я сумею тебе подпевать.
Я ведь знаю, и мне знакомо,
Потому и волнуй и тревожь –
Будто я из родимого дома
Слышу в голосе нежную дрожь.
Ты мне пой, ну, а я с такою,
Вот с такою же песней, как ты,
Лишь немного глаза прикрою –
Вижу вновь дорогие черты.
Ты мне пой. Ведь моя отрада –
Что вовек я любил не один
И калитку осеннего сада,
И опавшие листья с рябин.
Ты мне пой, ну, а я припомню
И не буду забывчиво хмур:
Так приятно и так легко мне
Видеть мать и тоскующих кур.
Я навек за туманы и росы*

*Полюбил у березки стан,
И ее золотистые косы,
И холщовый ее сарафан.
Потому так и сердцу не жестко –
Мне за песнею и за вином
Показалась ты той березкой,
Что стоит под родимым окном.*

Сентябрь 1925

«В этом мире я только прохожий...»

Сестре Шуре

*В этом мире я только прохожий,
Ты махни мне веселой рукой.
У осеннего месяца тоже
Свет ласкающий, тихий такой.
В первый раз я от месяца греюсь,
В первый раз от прохлады согрет,
И опять и живу и надеюсь
На любовь, которой уж нет.
Это сделала наша равнинность,
Посоленная белью песка,
И измятая чья-то невинность,
И кому-то родная тоска.
Потому и навеки не скрою,
Что любить не отдельно, не*

*врозь –
Нам одною любовью с тобою
Эту родину привелось.*

Сентябрь 1925

«Эх вы, сани! А кони, кони!...»

*Эх вы, сани! А кони, кони!
Видно, черт их на землю принес.
В залихватском степном разгоне
Колокольчик хохочет до слез.
Ни луны, ни собачьего лая
В далеке, в стороне, в пустыре.
Поддержись, моя жизнь удалая,
Я еще не навек постарел.
Пой, ямщик, вопрекор этой ночи, –
Хочешь, сам я тебе подпою
Про лукавые девичьи очи,
Про веселую юность мою.
Эх, бывало, заломишь шапку,
Да заложешь в оглобли коня,
Да приляжешь на сена охапку, –
Вспоминай лишь, как звали меня.
И откуда бралась осанка,
А в полуночную тишину
Разговорчивая тальянка
Уговаривала не одну.*

*Все прошло. Поредел мой волос.
Конь издох, опустел наш двор.
Потеряла тальянка голос,
Разучившись вести разговор.
Но и все же душа не остыла,
Так приятны мне снег и мороз,
Потому что над всем, что было,
Колокольчик хохочет до слез.*

1925

**«Слышишь – мчатся сани,
слышишь – сани мчатся...»**

*Слышишь – мчатся сани, слы-
шишь – сани
мчатся.
Хорошо с любимой в поле зате-
ряться.
Ветерок веселый робок и застен-
чив,
По равнине голой катится бубен-
чик.
Эх вы, сани, сани! Конь ты мой бу-
ланый!
Где-то на поляне клен танцует
пьяный.
Мы к нему подъедем, спросим –*

что такое?
И станцуем вместе под тальянку
трое.

3 октября 1925

«Голубая кофта. Синие глаза...»

Голубая кофта. Синие глаза.
Никакой я правды милой не ска-
зал.
Милая спросила: «Крутит ли ме-
тель?»
Затопить бы печку, постелить
постель».
Я ответил милой: «Нынче с высо-
ты
Кто-то осыпает белые цветы.
Затопи ты печку, постели по-
стель,
У меня на сердце без тебя ме-
тель».

3 октября 1925

«Снежная замять крутит бойко...»

*Снежная замять крутит бойко,
По полю мчится чужая тройка.
Мчится на тройке чужая мла-
дость.*

*Где мое счастье? Где моя ра-
дость?*

*Все укатилось под вихрем бойким
Вот на такой же бешеной трой-
ке.*

Октябрь 1925

«Вечером синим, вечером лунным...»

*Вечером синим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным.
Неудержимо, неповторимо
Все пролетело... далече... мимо...
Сердце остыло, и выцвели очи...
Синее счастье! Лунные ночи!*

4–5 октября 1925

«Плачет метель, как цыганская скрипка...»

Плачет метель, как цыганская скрипка.

*Милая девушка, злая улыбка,
Я ль не робею от синего взгляда?
Много мне нужно и много не надо.*

*Так мы далеки и так не схожи –
Ты молодая, а я все прожил.
Юношам счастье, а мне лишь память*

*Снежною ночью в лихую замять.
Я не заласкан – буря мне скрипка.
Сердце метелит твоя улыбка.*

1925

**«Ах, метель такая, просто черт
возьми...»**

*Ах, метель такая, просто черт
возьми.*

*Забивает крышу белыми гвоздь-
ми.*

*Только мне не страшно, и в моей
судьбе*

*Непутевым сердцем я прибит к
тебе.*

[1925]

«Снежная равнина, белая луна...»

*Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.
И березы в белом плачут по ле-
сам.*

*Кто погиб здесь? Умер? Уж не я
ли сам?*

[1925]

«Свищет ветер, серебряный ветер...»

*Свищет ветер, серебряный ветер,
В шелковом шелесте снежного
шума.*

*В первый раз я в себе заметил –
Так я еще никогда не думал.*

*Пусть на окошках гнилая сы-
рость,*

Я не жалею, и я не печален.

*Мне все равно эта жизнь полюби-
лась,*

*Так полюбилась, как будто внача-
ле.*

*Взглянет ли женщина с тихой
улыбкой –*

Я уж взволнован. Какие плечи!

*Тройка ль проскачет дорогой зыб-
кой –*

Я уже в ней и скачу далече.

О, мое счастье и все удачи!

Счастье людское землей любимо.

*Тот, кто хоть раз на земле запла-
чет, –*

Значит, удача промчалась мимо.

*Жить нужно легче, жить нужно
проще,*

Все принимая, что есть на свете.
Вот почему, обалдев, над рощей
Свищет ветер, серебряный ветер.
1925

«Мелколесье. Степь и дали...»

Мелколесье. Степь и дали.
Свет луны во все концы.
Вот опять вдруг зарыдали
Разливные бубенцы.
Неприглядная дорога,
Да любимая навек,
По которой ездил много
Всякий русский человек.
Эх вы, сани! Что за сани!
Звоны мерзлые осин.
У меня отец – крестьянин,
Ну, а я – крестьянский сын.
Наплевать мне на известность
И на то, что я поэт.
Эту чахленькую местность
Не видал я много лет.
Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.

Как же мне не прослезиться,
Если с венкой в стынь и звень
Будет рядом веселиться
Юность русских деревень.
Эх, гармошка, смерть-отрава,
Знать, с того под этот вой
Не одна лихая слава
Пропадала трын-травой.

21/22 октября 1925

«Цветы мне говорят – прощай...»

Цветы мне говорят – прощай,
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Ее лицо и отчий край.
Любимая, ну что ж! Ну что ж!
Я видел их и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.
И потому, что я постиг
Всю жизнь, пройдя с улыбкой ми-
мо, –
Я говорю на каждый миг,
Что все на свете повторимо.
Не все ль равно – придет другой,
Печаль ушедшего не сгложет,

*Оставленной и дорогой
Пришедший лучше песню сложит.
И, песне внемля в тишине,
Любимая с другим любимым,
Быть может, вспомнит обо мне
Как о цветке неповторимом.*

Октябрь 1925

**«Клен ты мой опавший, клен
заледенелый...»**

*Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь нагнувшись под метелью белой?
Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.
И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу.
Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.*

Там вон встретил вербу, там сос-
ну заметил,
Распевал им песни под метель о
лете.
Сам себе казался я таким же кле-
ном,
Только не опавшим, а всюю зеле-
ным.
И, утратив скромность, одурев-
ши в доску,
Как жену чужую, обнимал берез-
ку.

28 ноября 1925

«Какая ночь! Я не могу...»

Какая ночь! Я не могу.
Не спится мне. Такая лунность.
Еще как будто берегу
В душе утраченную юность.
Подруга охладевших лет,
Не называй игру любовью,
Пусть лучше этот лунный свет
Ко мне струится к изголовью.
Пусть искаженные черты
Он обрисовывает смело, –
Ведь разлюбить не сможешь ты,

Как полюбить ты не сумела.
Любить лишь можно только раз.
Вот оттого ты мне чужая,
Что липы тщетно манят нас,
В сугробы ноги погружая.
Ведь знаю я и знаешь ты,
Что в этот отсвет лунный, си-
ний

На этих липах не цветы –
На этих липах снег да иней.
Что отлюбили мы давно,
Ты не меня, а я – другую,
И нам обоим все равно
Играть в любовь недорогую.
Но все ж ласкай и обнимай
В лукавой страсти поцелуя,
Пусть сердцу вечно снится май
И та, что навсегда люблю я.

30 ноября 1925

«Не гляди на меня с упреком...»

*Не гляди на меня с упреком,
Я презренья к тебе не таю,
Но люблю я твой взор с поволокой
И лукавую кротость твою.
Да, ты кажешься мне распротертой,
И, пожалуй, увидеть я рад,
Как лиса, притворившись мертвой,
Ловит воронов и воронят.
Ну и что же, лови, я не струшу.
Только как бы твой пыл не погас?
На мою охладевшую душу
Натыкались такие не раз.
Не тебя я люблю, дорогая,
Ты лишь отзвук, лишь только тень.
Мне в лице твоём снится другая,
У которой глаза – голубень.
Пусть она и не выглядит кроткой
И, пожалуй, на вид холодна,
Но она величавой походкой
Всколыхнула мне душу до дна.
Вот такую едва ль отуманишь,
И не хочешь пойти, да пойдешь,*

Ну, а ты даже в сердце не вранишь
Напоенную ласкою ложь.
Но и все же, тебя презирая,
Я смущенно откроюсь навек:
Если б не было ада и рая,
Их бы выдумал сам человек.

1 декабря 1925

«Ты меня не любишь, не жалеешь...»

Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?
Не смотря в лицо, от страсти
млеешь,
Мне на плечи руки опустив.
Молодая, с чувственным оскалом,
Я с тобой не нежен и не груб.
Расскажи мне, скольких ты ласкала?
Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?
Знаю я – они прошли, как тени,
Не коснувшись твоего огня,
Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь вот у меня.
Пусть твои полузакрыты очи

И ты думаешь о ком-нибудь другом,
Я ведь сам люблю тебя не очень,
Утопая в дальнем дорогом.
Этот пыл не называй судьбою,
Легкодумна вспылчивая связь, –
Как случайно встретился с тобою,
Улыбнусь, спокойно разойдясь.
Да и ты пойдешь своей дорогой
Распылять безрадостные дни,
Только нецелованных не трогай,
Только негоревших не мани.
И когда с другим по переулку
Ты пройдешь, болтая про любовь,
Может быть, я выйду на прогулку,
И с тобою встретимся мы вновь.
Отвернув к другому ближе плечи
И немного наклонившись вниз,
Ты мне скажешь тихо: «Добрый вечер!»
Я отвечу: «Добрый вечер, miss».
И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь, –
Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подожжешь.

4 декабря 1925

**«Может, поздно, может, слишком
рано...»**

*Может, поздно, может, слишком
рано,
И о чем не думал много лет,
Походить я стал на Дон-Жуана,
Как заправский ветреный поэт.
Что случилось? Что со мною
сталось?
Каждый день я у других колен.
Каждый день к себе теряю жа-
лость,
Не смиряясь с горечью измен.
Я всегда хотел, чтоб сердце мень-
ше
Билось в чувствах нежных и про-
стых,
Что ж ищу в очах я этих жен-
щин –
Легкодумных, лживых и пустых?
Удержи меня, мое презренье,
Я всегда отмечен был тобой.
На душе холодное кипенье
И сирени шелест голубой.
На душе – лимонный свет заката,*

И все то же слышно сквозь туман, –
За свободу в чувствах есть расплата,
Принимай же вызов, Дон-Жуан!
И, спокойно вызов принимая,
Вижу я, что мне одно и то ж –
Чтить метель за синий цветень
мая,
Звать любовью чувственную
дрожь.
Так случилось, так со мною ста-
лось,
И с того у многих я колен,
Чтобы вечно счастье улыбалось,
Не смиряясь с горечью измен.

13 декабря 1925

«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...»

Кто я? Что я? Только лишь меч-
татель,
Перстень счастья ищущий во
мгле,
Эту жизнь живу я словно кста-
ти,
Заодно с другими на земле.
И с тобой целуюсь по привычке,
Потому что многих целовал,
И, как будто зажигая спички,
Говорю любовные слова.
«Дорогая», «милая», «навсегда»,
А в уме всегда одно и то же,
Если тронуть страсти в челове-
ке,
То, конечно, правды не найдешь.
Оттого душе моей не жестоко
Ни желать, ни требовать огня,
Ты, моя ходячая березка,
Создана для многих и меня.
Но, всегда ища себе родную
И томясь в неласковом плену,
Я тебя нисколько не ревную,
Я тебя нисколько не кляню.

Кто я? Что я? Только лишь меч-
татель,
Синь очей утративший во мгле,
И тебя любил я только кстати,
Заодно с другими на земле.

[1925]

**«До свиданья, друг мой, до
свиданья...»**

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.

Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки,
без слова,

Не грусти и не печаль бровей, –
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

1925

Поэмы

Анна Снегина

А. Воронскому

*«Село, значит, наше – Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодию
Рассажены тополя.
Мы в важные очень не лезем,
Но все же нам счастье дано.
Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно.
У каждого крашены ставни,
По праздникам мясо и квас.
Недаром когда-то исправник
Любил погостить у нас.
Оброки платили мы к сроку,
Но – грозный судья – старшина
Всегда прибавлял к оброку
По мере муки и пшена.
И чтоб избежать напасти,*

Излишек нам был без тягот.
Раз – власти, на то они власти,
А мы лишь простой народ.
Но люди – все грешные души.
У многих глаза – что клыки.
С соседней деревни Криуши
Косились на нас мужики.
Житье у них было плохое,
Почти вся деревня вскачь
Пахала одной сохою
На паре заезженных кляч.
Каких уж тут ждать обилий, –
Была бы душа жива.
Украдкой они рубили
Из нашего леса дрова.
Однажды мы их застали...
Они в топоры, мы тож.
От звона и скрежета стали
По телу катилась дрожь.
В скандале убийством пахнет.
И в нашу и в их вину
Вдруг кто-то из них как ахнет! –
И сразу убил старшину.
На нашей быдластой сходке
Мы делу условили ширь.
Судили. Забили в колодки
И десять услали в Сибирь.
С тех пор и у нас неуряды.

Скатилась со счастья возжжа.
Почти что три года кряду
У нас то падеж, то пожар».

Такие печальные вести
Возница мне пел весь путь.
Я в радовские предместья
Ехал тогда отдохнуть.
Война мне всю душу изъела.
За чей-то чужой интерес
Стрелял я мне близкое тело
И грудью на брата лез.
Я понял, что я – игрушка,
В тылу же купцы да знать,
И, твердо простившись с пушка-
ми,
Решил лишь в стихах воевать.
Я бросил мою винтовку,
Купил себе «липу»[3], и вот
С такою-то подготовкой
Я встретил семнадцатый год.
Свобода взметнулась неистово.
И в розово-смердном огне
Тогда над странюю калифствовал
Керенский на белом коне.
Война «до конца», «до победы».
И ту же сермяжную рать
Прохвосты и дармоеды

Сгоняли на фронт умирать.
Но все же не взял я шпагу...
Под грохот и рев мортир
Другую явил я отвагу –
Был первый в стране дезертир.

Дорога довольно хорошая,
Приятная хладная звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.
«Ну, вот оно, наше Радово, –
Промолвил возница, –
Здесь!
Недаром я лошади вкладывал
За норы ее и спесь.
Позволь, гражданин, на чаишко.
Вам к мельнику надо?
...Так – вон!..
Я требую с вас без излишка
За дальний такой прогон».

.....
Даю сороковку.
«Мало!»
Даю еще двадцать.
«Нет!»
Такой отвратительный малый.
А малому тридцать лет.
«Да что ж ты?»

Имеешь ли душу?
За что ты с меня гребешь?»
И мне отвечает туша:
«Сегодня плохая рожь.
Давайте еще незвонких
Десяток иль штукечек шесть –
Я выпью в шинке самогонки
За ваше здоровье и честь...»

И вот я на мельнице...
Ельник
Осыпан свечьми светляков.
От радости старый мельник
Не может сказать двух слов!
«Голубчик! Да ты ли?
Сергуха?!
Озяб, чай? Поди, продрог?
Да ставь ты скорее, старуха,
На стол самовар и пирог!»
В апреле прозябнуть трудно,
Особенно так в конце.
Быт вечер задумчиво чудный,
Как дружья улыбка в лице.
Объятья мельника круты,
От них заревет и медведь,
Но все же в плохие минуты
Приятно друзей иметь.
«Откуда? Надолго ли?»

«На год».

«Ну, значит, дружище, гуляй!
Сим летом грибов и ягод
У нас хоть в Москву отбавляй.
И дичи здесь, братец, до черта,
Сама так под порох и прет.
Подумай ведь только...

Четвертый

Тебя не видали мы год...»

.....

.....

Беседа окончена...

Чинно

Мы выпили весь самовар.
По-старому с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим
взглядам
Состарившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие, милые были.
Тот образ во мне не угас...
Мы все в эти годы любили,

Но мало любили нас.

«Ну что же! Вставай, Сергуша!
Еще и заря не текла,
Старуха за милую душу
Оладьев тебе напекла.
Я сам-то сейчас уеду
К помещице Снегиной...

Ей

Вчера настрелял я к обеду
Прекраснейших дупелей».
Привет тебе, жизни денница!
Встаю, одеваюсь, иду.
Дымком отдаёт росяница
На яблонях белых в саду.

Я думаю:

Как прекрасна

Земля

И на ней человек.

И сколько с войной несчастных

Уродов теперь и калек!

И сколько зарыто в ямах!

И сколько зароят еще!

И чувствую в скулах упрямых

Жестокую судоргу щек.

Нет, нет!

Не пойду навеки!

За то, что какая-то мразь

Бросает солдату-калеке
Пятак или гривенник в грязь.
«Ну, доброе утро, старуха!
Ты что-то немного сдала...»
И слышу сквозь кашель глухо:
«Дела одолели! Дела...
У нас здесь теперь неспокойно.
Испариной все зацвело.
Сплошные мужицкие войны –
Дерутся селом на село.
Сама я своими ушами
Слыхала от прихожан:
То радовцев бьют криушане,
То радовцы бьют криушан.
А все это, значит, безвластье.
Прогнали царя...
Так вот...
Посыпались все напасти
На наш неразумный народ.
Открыли зачем-то остроги,
Злодеев пустили лихих.
Теперь на большой дороге
Покою не знай от них.
Вот тоже, допустим... с Криу-
ши...
Их нужно б в тюрьму за тюрь-
мой,
Они ж, воровские души,

Вернулись опять домой.
У них там есть Прон Оглоблин,
Булдыжник, драчун, грубиян.
Он вечно на всех озлоблен,
С утра по неделям пьян.
И нагло в третьёвом годе,
Когда объявили войну,
При всем при честном народе
Убил топором старшину.
Таких теперь тысячи стало
Творить на свободе гнусь.
Пропала Расея, пропала...
Погибла кормилица Русь...»
Я вспомнил рассказ возницы
И, взяв свою шляпу и трость,
Пошел мужикам поклониться,
Как старый знакомый и гость.

Иду голубою дорожкой
И вижу – навстречу мне
Несется мой мельник на дрожках
По рыхлой еще целине.
«Сергуха! За милую душу!
Постой, я тебе расскажу!
Сейчас! Дай поправить возжжу,
Потом и тебя оглоушу.
Чего ж ты мне утром ни слова?
Я Снегиным так и бряк:

Приехал ко мне, мол, веселый
Один молодой чудака.

(Они ко мне очень желанны,
Я знаю их десять лет.)

А дочь их замужняя Анна

Спросила:

– Не тот ли, поэт?

– Ну, да, – говорю, – он самый.

– Блондин?

– Ну, конечно, блондин!

– С кудрявыми волосами?

– Забавный такой господин!

– Когда он приехал?

– Недавно.

– Ах, мамочка, это он!

Ты знаешь,

Он был забавно

Когда-то в меня влюблен.

Был скромный такой мальчишка,

А нынче...

Поди ж ты...

Вот...

Писатель...

Известная шишка...

Без просьбы уж к нам не придет».

И мельник, как будто с победы,

Лукаво прищурил глаз:

«Ну, ладно! Прощай до обеда.

Другое сдержу про запас». Я шел по дороге в Кривушу И тростью сшибал зелена. Ничто не пробилось мне в душу, Ничто не смутило меня. Струилися запахи сладко, И в мыслях был пьяный туман... Теперь бы с красивой солдаткой Завесть хорошо роман.

Но вот и Кривуша... Три года Не зрел я знакомых крыш. Сиреневая погода Сиренью обрызгала тишь. Не слышно собачьего лая, Здесь нечего, видно, стеречь – У каждого хата гнилая, А в хате ухваты да печь. Гляжу, на крыльце у Прона Горластый мужицкий галдеж. Толкуют о новых законах, О ценах на скот и рожь. «Здорово, друзья!» «Э, охотник! Здорово, здорово! Садись! Послушай-ка ты, беззаботник,

Про нашу крестьянскую жись.
Что нового в Питере слышно?
С министрами, чай, ведь знаком?
Недаром, едрит твою в дышло,
Воспитан ты был кулаком.
Но все ж мы тебя не порочим.
Ты – свойский, мужицкий, наш,
Бахвалишься славой не очень
И сердце свое не продашь.
Бывал ты к нам зорким и рья-
ным,
Себя вынимал на испод...
Скажи:
Отойдут ли крестьянам
Без выкупа пашни господ?
Кричат нам,
Что землю не троньте,
Еще не настал, мол, миг.
За что же тогда на фронте
Мы губим себя и других?»
И каждый с улыбкой угрюмой
Смотрел мне в лицо и в глаза,
А я, отягченный думой,
Не мог ничего сказать.
Дрожали, качались ступени,
Но помню
Под звон головы:
«Скажи,

Кто такое Ленин?»

Я тихо ответил:

«Он – вы».

На корточках ползали слухи,

Судили, решали, шепча.

И я от моей старухи

Достаточно их получал.

Однажды, вернувшись с тяги,

Я лег подремать на диван.

Разносчик болотной влаги,

Меня прознобил туман.

Трясло меня, как в лихорадке,

Бросало то в холод, то в жар,

И в этом проклятом припадке

Четыре я дня пролежал.

Мой мельник с ума, зная, спя-

тил.

Поехал,

Кого-то привез...

Я видел лишь белое платье

Да чей-то привздернутый нос.

Потом, когда стало легче,

Когда прекратилась трясь,

На пятые сутки под вечер

Простуда моя улеглась.

Я встал.

И лишь только пола

Коснулся дрожащей ногой,
Услышал я голос веселый:

«А!

Здравствуйте, мой дорогой!
Давненько я вас не видала.
Теперь из ребяческих лет
Я важная дама стала,
А вы – знаменитый поэт.

.....

Ну, сядем.

Прошла лихорадка?
Какой вы теперь не такой!
Я даже вздохнула украдкой,
Коснувшись до вас рукой.

Да!

Не вернуть, что было.
Все годы бегут в водоем.
Когда-то я очень любила
Сидеть у калитки вдвоем.
Мы вместе мечтали о славе...
И вы угодили в прицел,
Меня же про это заставил
Забывать молодой офицер...»

Я слушал ее и невольно
Оглядывал стройный лик.
Хотелось сказать:

«Довольно!

Найдемте другой язык!»
Но почему-то, не знаю,
Смущенно сказал невпопад:
«Да... Да...
Я сейчас вспоминаю...
Садитесь.
Я очень рад.
Я вам прочитаю немного
Стихи
Про кабацкую Русь...
Отделано четко и строго.
По чувству – цыганская грусть».
«Сергей!
Вы такой нехороший.
Мне жалко,
Обидно мне,
Что пьяные ваши дебоши
Известны по всей стране.
Скажите:
Что с вами случилось?»
«Не знаю».
«Кому же знать?»
«Наверно, в осеннюю сырость
Меня родила моя мать».
«Шутник вы...»
«Вы тоже, Анна».
«Кого-нибудь любите?»
«Нет».

«Тогда еще более странно
Губить себя с этих лет:
Пред вами такая дорога...»
Сгущалась, туманилась даль...
Не знаю, зачем я трогал
Перчатки ее и шаль.

.....

Луна хохотала, как клоун.
И в сердце хоть прежнего нет,
По-странному был я полон
Наплывом шестнадцати лет.
Расстались мы с ней на рассвете
С загадкой движений и глаз...
Есть что-то прекрасное в лете,
А с летом прекрасное в нас.

Мой мельник...
Ох, этот мельник!
С ума меня сводит он.
Устроил волынку, бездельник,
И бегаёт, как почтальон.
Сегодня опять с запиской,
Как будто бы кто-то влюблен:
«Придите.
Вы самый близкий.
С любовью
Оглоблин Прон».
Иду.

Прихожу в Криушу.
Оглоблин стоит у ворот
И спьяну в печенки и в душу
Костит обнищальный народ.
«Эй, вы!
Тараканье отродье!
Все к Снегиной...
Р-раз – и квас.
Даешь, мол, твои угоды
Без всякого выкупа с нас!»
И тут же, меня завидя,
Снижая сварливую прыть,
Сказал в неподдельной обиде:
«Крестьян еще нужно варить».
«Зачем ты позвал меня, Проша?»
«Конечно, ни жать, ни косить.
Сейчас я достану лошадь
И к Снегиной... вместе...
Просить...»
И вот запрягли нам клячу.
В оглоблях мосластая шкеть –
Таких отдают с придачей,
Чтоб только самим не иметь.
Мы ехали мелким шагом,
И путь нас смешил и злил:
В подъемах по всем оврагам
Телегу мы сами везли.
Приехали.

Дом с мезонином
Немного присел на фасад.
Волнующе пахнет жасмином
Плетнёвый его палисад.
Слезает.
Подходим к террасе
И, пыль отряхая с плеч,
О чем-то последнем часе
Из горницы слышим речь:
«Рыдай не рыдай – не помога...
Теперь он холодный труп...
...Там кто-то стучит у порога.
Припудрись...
Пойду отопру...»
Дебелая грустная дама
Откинула добрый засов.
И Прон мой ей брякнул прямо
Про землю,
Без всяких слов.
«Отдай!.. –
Повторял он глухо. –
Не ноги ж тебе целовать!»
Как будто без мысли и слуха
Она принимала слова.
Потом в разговорную очередь
Спросила меня
Сквозь жуть:
«А вы, вероятно, к дочери?»

Присядьте...
Сейчас доложу...»
Теперь я отчетливо помню
Тех дней роковое кольцо.
Но было совсем не легко мне
Увидеть ее лицо.
Я понял –
Случилось горе,
И молча хотел помочь.
«Убили... Убили Борю...
Оставьте!
Уйдите прочь!
Вы – жалкий и низкий трусишка.
Он умер...
А вы вот здесь...»
Нет, это уж было слишком.
Не всякий рожден перенестъ.
Как язвы, стыдясь оплеухи,
Я Прону ответил так:
«Сегодня они не в духе...
Поедем-ка, Прон, в кабак...»

Все лето провел я в охоте.
Забыл ее имя и лик.
Обиду мою
На болоте
Оплакал рыдальщик-кулик.
Бедна наша родина кроткая

В древесную цветень и сочъ,
И лето такое короткое,
Как майская теплая ночь.
Заря холодней и багровей.
Туман припадает ниц,
Уже в облетевшей дуброве
Разносится звон синиц.
Мой мельник вовсю улыбается,
Какая-то веселость в нем.
«Теперь мы, Сергуха, по зайцам
За милую душу пальнем!»
Я рад и охоте...
Коль нечем
Развеять тоску и сон.
Сегодня ко мне под вечер,
Как месяц, вкатился Прон.
«Дружище!
С великим счастьем!
Настал ожидаемый час!
Приветствую с новой властью!
Теперь мы всех р-раз – и квас!
Без всякого выкупа с лета
Мы пашни берем и леса.
В России теперь Советы
И Ленин – старшой комиссар.
Дружище!
Вот это номер!
Вот это почин так почин.

Я с радости чуть не помер,
А брат мой в штаны намочил.
Едри ж твою в бабушку плюнуть!
Гляди, голубарь, веселей!
Я первый сейчас же коммуны
Устрою в своем селе».

У Прона был брат Лабутя,
Мужик – что твой пятый туз:
При всякой опасной минуте
Хвальбишка и дьявольский трус.
Таких вы, конечно, видали.
Их рок болтовней наградил.
Носил он две белых медали
С японской войны на груди.
И голосом хриплым и пьяным
Тянул, заходя в кабак:
«Прославленному под Ляояном
Ссудите на четвертак...»
Потом, насосавшись до дури,
Взволнованно и горячо
О сдавшемся Порт-Артуре
Соседу слезил на плечо.
«Голубчик! –
Кричал он. –
Петя!
Мне больно... Не думай, что пьян.
Отвагу мою на свете
Лишь знает один Ляоян».

Такие всегда на примете.
Живут, не мозоля рук.
И вот он, конечно, в Совете,
Медали запрятал в сундук.
Но с тою же важной осанкой,
Как некий седой ветеран,
Хрипел под сивушной банкой
Про Нерчинск и Турухан:
«Да, братец!
Мы горе видали,
Но нас не запугивал страх...»

.....
Медали, медали, медали
Звенели в его словах.
Он Прону вытягивал нервы,
И Прон материл не судом.
Но все ж тот поехал первый
Описывать снегинский дом.
В захвате всегда есть скорость:
«Даешь! Разберем потом!»
Весь хутор забрали в волость
С хозяйками и со скотом.
А мельник...

.....
Мой старый мельник
Хозяек привез к себе,
Заставил меня, бездельник,
В чужой ковыряться судьбе.

И снова нахлынуло что-то...
Когда я всю ночь напролет
Смотрел на скривленный заботой
Красивый и чувственный рот.
Я помню –
Она говорила:
«Простите... Была неправа...
Я мужа безумно любила.
Как вспомню... болит голова...
Но вас
Оскорбила случайно...
Жестокость была мой суд...
Была в том печальная тайна,
Что страстью преступной зовут.
Конечно,
До этой осени
Я знала б счастливую быль...
Потом бы меня вы бросили,
Как выпитую бутылку...
Поэтому было не надо...
Ни встреч... ни вообще продол-
жать...
Тем более с старыми взглядами
Могла я обидеть мать».
Но я перевел на другое,
Уставясь в ее глаза,
И тело ее тугое
Немного качнулось назад.

«Скажите,
Вам больно, Анна,
За ваш хуторской разор?»
Но как-то печально и странно
Она опустила свой взор...

.....

«Смотрите...
Уже светает.
Заря как пожар на снегу...
Мне что-то напоминает...
Но что?..
Я понять не могу...
Ах!.. Да...
Это было в детстве...
Другой... Не осенний рассвет...
Мы с вами сидели вместе...
Нам по шестнадцать лет...»
Потом, оглядев меня нежно
И лебедя выгнув рукой,
Сказала как будто небрежно:
«Ну, ладно...
Пора на покой...»

.....

Под вечер они уехали.
Куда?
Я не знаю куда.
В равнине, проложенной вехами,
Дорогу найдешь без труда.

Не помню тогдашних событий,
Не знаю, что сделал Прон.
Я быстро умчался в Питер
Развеять тоску и сон.

Суровые, грозные годы!
Ну разве всего описать?
Слыхали дворцовые своды
Солдатскую крепкую «мать».
Эх, удаль!
Цветение в даях!
Недаром чумазый сброд
Играл по дворам на роялях
Коровам тамбовский фокстрот.
За хлеб, за овес, за картошку
Мужик залучил граммофон, –
Слюнявя козлиную ножку,
Танго себе слушает он.
Сжимая от прибыли руки,
Ругаясь на всякий налог,
Он мыслит до дури о штуке,
Катающейся между ног.
Шли годы
Размашисто, пылко.
Удел хлебороба гас.
Немало попрело в бутылках
«Керенок» и «ходей» у нас.
Фефела! Кормилец! Касатик!

Владелец земель и скотом,
За пару измызганных «катек»
Он даст себя выщурать кнутом.
Ну, ладно.

Довольно стонов,
Ненужных насмешек и слов!
Сегодня про участь Прона
Мне мельник прислал письмо:
«Сергуха! За милую душу!
Привет тебе, братец! Привет!
Ты что-то опять в Криушу
Не кажешься целых шесть лет.
Утешь!

Соберись, на милость!
Прижваривай по весне!
У нас здесь такое случилось,
Чего не расскажешь в письме.
Теперь стал спокой в народе,
И буря пришла в угомон.
Узнай, что в двадцатом годе
Расстрелян Оглоблин Прон.
Расея...

Дуровая зыкъ она.
Хошь верь, хошь не верь ушам –
Однажды отряд Деникина
Нагрязнул на криушан.
Вот тут и пошла потеха...
С потехи такой – околеть!

Со скрежетом и со смехом
Гульнула казацкая плетъ.
Тогда вот и чикнули Проню...
Лабутя ж в солому залез
И вылез,
Лишь только кони
Казацкие скрылись в лес.
Теперь он по пьяной морде
Еще не устал голосить:
«Мне нужно бы красный орден
За храбрость мою носить...»
Совсем прокатились тучи...
И хоть мы живем не в раю,
Ты все ж приезжай, голубчик,
Утешить судьбину мою...»

И вот я опять в дороге.
Ночная июньская хмарь.
Бегут говорливые дроги
Ни шатко ни валко, как встарь.
Дорога довольно хорошая,
Равнинная тихая звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.
Мелькают часовни, колодцы,
Околицы и плетни.
И сердце по-старому бьется,
Как билось в далекие дни.

Я снова на мельнице...

Ельник

Усыпан свечьми светляков.

По-старому старый мельник

Не может связать двух слов:

«Голубчик! Вот радость! Сергуха!

Озяб, чай? Поди, продрог?

Да ставь ты скорее, старуха,

На стол самовар и пирог.

Сергунь! Золотой! Послушай!

.....

И ты уж старик по годам...

Сейчас я за милую душу

Подарок тебе передам».

«Подарок?»

«Нет...

Просто письмишко...

Да ты не спеши, голубок.

Почти что два месяца с лишком

Я с почты его приволок».

Вскрываю... читаю... Конечно!

Откуда же больше и ждать!

И почерк такой беспечный,

И лондонская печать.

«Вы живы?.. Я очень рада...

Я тоже, как вы, жива.

Так часто мне снится ограда,

Калитка и ваши слова.

Теперь я от вас далеко...
В России теперь апрель.
И синюю заволокой
Покрыта береза и ель.
Сейчас вот, когда бумаге
Вверяю я грусть моих слов,
Вы с мельником, может, на тяге
Подслушиваете тетеревов.
Я часто хожу на пристань
И, то ли на радость, то ль в
страх,
Гляжу средь судов все присталь-
ней
На красный советский флаг.
Теперь там достигли силы.
Дорога моя ясна...
Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна».

.....
Письмо как письмо.
Беспричинно.
Я в жисть бы таких не писал.
По-прежнему с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим
взглядам

Погорбившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет.
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие милые были!..
Тот образ во мне не угас.
Мы все в эти годы любили,
Но, значит,
Любили и нас.

Январь 1925
Батум

Черный человек

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта
боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.
Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.

Черный человек,
Черный, черный,
Черный человек
На кровать ко мне садится,
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь.
Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге
И, гнусава надо мной,
Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забулдыги,
Нагоняя на душу тоску и страх.
Черный человек,
Черный, черный...
«Слушай, слушай, –
Бормочет он мне, –
В книге много прекраснейших
Мыслей и планов.
Этот человек
Проживал в стране
Самых отвратительных
Громил и шарлатанов.
В декабре в той стране
Снег до дьявола чист,
И метели заводят
Веселые прялки.
Был человек тот авантюрист,

Но самой высокой
И лучшей марки.
Был он изящен,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но хватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою.
Счастье, – говорил он, –
Есть ловкость ума и рук.
Все неловкие души
За несчастных всегда известны.
Это ничего,
Что много мук
Приносят изломанные
И лживые жесты.
В грозы, в бури,
В житейскую стынь,
При тяжелых утратах
И когда тебе грустно,
Казаться улыбчивым и про-
стым –
Самое высшее в мире искусство».
«Черный человек!
Ты не смеешь этого!
Ты ведь не на службе

Живешь водолазовой.
Что мне до жизни
Скандального поэта.
Пожалуйста, другим
Читай и рассказывай».
Черный человек
Глядит на меня в упор.
И глаза покрываются
Голубой блевотой, –
Словно хочет сказать мне,
Что я жулик и вор,
Так бесстыдно и нагло
Обокравший кого-то.

.....

.....

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта
боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.
Ночь морозная...
Тих покой перекрестка.
Я один у окошка,
Ни гостя, ни друга не жду.
Вся равнина покрыта

Сыпучей и мягкой известкой,
И деревья, как всадники,
Съехались в нашем саду.
Где-то плачет
Ночная зловещая птица.
Деревянные всадники
Сеют копытливый стук.
Вот опять этот черный
На кресло мое садится,
Приподняв свой цилиндр
И откинув небрежно сюртук.
«Слушай, слушай! –
Хрипит он, смотря мне в лицо,
Сам все ближе
И ближе клонится. –
Я не видел, чтоб кто-нибудь
Из подлецов
Так ненужно и глупо
Страдал бессонницей.
Ах, положим, ошибся!
Ведь нынче луна.
Что же нужно еще
Напоенному дремой мирику?
Может, с толстыми ляжками
Тайно придет «она»,
И ты будешь читать
Свою дохлую томную лирику?
Ах, люблю я поэтов!

Забавный народ.
В них всегда нахожу я
Историю, сердцу знакомую, –
Как прыщавой курсистке
Длинноволосый урод
Говорит о мирах,
Половой истекая истомою.
Не знаю, не помню,
В одном селе,
Может, в Калуге,
А может, в Рязани,
Жил мальчик
В простой крестьянской семье,
Желтоволосый,
С голубыми глазами...
И вот стал он взрослым,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою».
«Черный человек!
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится».
Я взбешен, разъярен,

*И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...*

.....

*...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала!
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И – разбитое зеркало...*

<1923 – 14 ноября 1925>

Примечания

1

Пожалуйста (*англ.*, искажен.).

[^^^]

2

Деловые люди (*англ.*, искажен.).

[^^^]

3

«Липа» – подложный документ. (Прим. С. А. Есенина.)

[^^^]